

Редактор Инна Туровская
Художники Татьяна Хельдна и Мария Дементьева
Автор обложки Татьяна Хельдна
Верстка Валерия Комендантова
Препресс Романа Туровского

Рафаэль Арутюнян. Воспоминания одного человека. – Таллин: ИНГРИ, 2003.
114 с. с фотографиями.

Перед вами необычные воспоминания. Это взгляд в прошлое художника, скульптора, взгляд, подмечающий во времени и в себе то, как может увидеть только человек искусства. Эти воспоминания – еще одна грань таланта Рафаэля Арутюняна, которым он щедро делится со своими потомками.

ISBN 9985-9459-0-5

© Рафаэль Арутюнян, текст, фотографии. 2003.

© Ингри, оформление. 2003.

Отпечатано в типографии «Ингри».
Пярну мнт, 390а, Таллин, Эстония

Воспоминания одного человека

Ясел за письменный стол, взявшись за не очень привычное для меня занятие, с одной целью – рассказать о людях, о которых никто другой не расскажет, потому что из знавших их никого не осталось в живых, кроме меня. Таков закон жизни: лучшие из лучших раньше всех покидают наш бренный мир, а я вот живу, да еще и пишу... Чтобы рассказать о ярких людях, которые, на мой взгляд, выражали собой прошедший век и даже, если хотите, целую эпоху.

Воспоминания одного человека

Рафаэль Арутюнян

Мой прадед по материнской линии, Григор Мелик-Шахназарян, в народе именуемый Григор-беком, был человеком очень спокойным. Григор-бека глубоко уважали в его родном селе Тхавард Нагорно-Карабахской области. На вопрос, почему я начинаю с предков по материнской линии, а не по отцовской, отвечаю: для каждого кавказца мать – это все, альфа и омега, а уж моя Мама была всем мамам мама, и вся ее родня и сейчас ближе мне по духу, чем отцовская.

Бабушка моя, Варсеник Григорьевна, младшая дочь из пятерых детей Григор-бека (трех сыновей и двух дочерей), рассказывала мне, что родители отца не были богаты, состояние он нажил своим трудом и умом, а позже от царя получил дворянскую грамоту и приставку к фамилии «Мелик», что в переводе с армянского означает «князь».

Дом, в котором жила его семья, при советах стал сельской школой, а сад с тысячей фруктовых деревьев забрали в колхозную собственность. В те годы бедных крестьян у нас в деревне не было. Карабахская земля плодородна, а армяне испокон веков славились не только торговлей, но и трудолюбием. Был, правда, и в нашем селе единственный ленивец, объект для насмешек всей деревни. Греясь на солнышке в своем садочке, он звал одну из дочерей поднести ему кружку с водой, стоявшую тут же на траве за спиной, не желая подвинуться и самому протянуть руку.

Воровства не было вовсе. Все двери в домах днем оставались открытыми настежь, закрывались только на ночь, да и то на символические затворы, а ведь в домах (не во всех, конечно) висели дорогостоящие ковры и на них – отнюдь не дешевое оружие: винтовки, сабли, кинжалы с вкрапленными в рукоятки и ножны драгоценными камнями.

В деревне стояла церковь тысячелетней давности, если не больше, при коммунистах превращенная в склад. За деревней – погост из прямоугольных гранитных надгробий, на которых не было высечено ничего – ни надписей, ни рисунков. Я осматривал его в 1962 году, и сельчане объяснили мне, что кладбище очень и очень старое, скорее всего, тех времен, когда в округе не было грамотного человека, хотя армяне и пользуются современным алфавитом начиная с пятого века новой эры. И еще

*Князь Григор Мелик-Шахназарян (Григор-бек).
Арцах, село Тхабард, Карабах. Примерно 90-е годы XIX века.*

Воспоминания одного человека

Рафаэль Арутюнян

я видел развалины однонефной церкви в некотором отдалении от села. В каком она была состоянии при Григор-беке, не знаю.

Рассказывали также, что прадед любил гостей. В подвалах имения находились многолетние вина, а выпить он был не дурак, особенно с приятными ему людьми (эту черту, скорее всего, я от него и унаследовал), всегда при этом оставаясь миролюбивым и веселым. Никогда не носил никакого оружия и даже кинжала на поясе, что, само по себе, среди горцев редкость, и закончил свой жизненный путь во сне, никого не побеспокоив из близких и не мучаясь сам.

У бабушки была истинно восточная красота. Есть фотография, где ей двадцать четыре года, и тогда у нее уже было трое детей. Статная, без какой-либо косметики... В те годы считалось, что косметикой пользуются только женщины легкого поведения.

В хозяйстве тогда появился новый работник, который разводил или помогал разводить пчел. Этот молодой пчеловод и стал моим дедом. Не очень красивый, с рябинками на лице, Овагим Степанян так ласково смотрел на юную княжну, что покорила ее сердце, а ведь претендентов было много. Домашние, чтобы узнать, но при этом ни в коем случае не смутить девушку, кто же поселился в ее сердце (у армян и по сей день это принято), в ее присутствии как-то завели якобы отвлеченный разговор о достоинствах и недостатках претендентов на ее руку. Варсеник делала вид, что не слушает. Но когда кто-то, характеризуя Овагима, отметил, что лицо у него в рябинках, она как бы вскользя заметила, что ум не в рябинках помещается. Картина мгновенно прояснилась. Григор-бек стал готовить приданое, тем более, что молодой пчеловод показал себя хорошим работником и очень порядочным человеком, каким, кстати, и оставался до конца своих дней. Несколько лет спустя молодая семья поселилась в городе Шуше.

В начале XX века Шуша была центром Карабаха. В ней жили предприниматели, получившие образование в Санкт-Петербурге, кое-кто даже вернулся из Парижа. Шуша делилась на две части: армянскую и тюркскую (азербайджанскую). Рассказывали, что армянская часть процветала. Не могу судить об этом достоверно, ибо побывав здесь в 1956 году, за-

Княжна Сона Мелик-Шахназарян (слева)

Сестры Сона и Варсеник (справа) Мелик-Шахназарян

Воспоминания одного человека

Рафаэль Арутюнян

стал ее в руинах – результат армяно-азербайджанского конфликта 1918 года. Во всяком случае, одно знаю точно: кино в Шуше появилось раньше, чем в Баку.

Овагим стал бухгалтером, Варсеник – домохозяйкой, как и абсолютное большинство женщин того времени. Рождались дети, один за другим; старшей была девочка Гохар – моя мама. Семья была очень счастливая, и отношения в ней как между родителями, так и между детьми (младший подчинялся старшему) были по-настоящему красивы.

Конечно, главой всему был дед: он был кормилец, деньги были у него, и он ежедневно выдавал определенную сумму на расходы. Но бабушка была сердобольной женщиной и не могла отказать в просьбе нуждающимся соседям. Маленькая Гохарик не раз слышала разговор за перегородкой: «Варсеник, ну сколько же можно...», – и в ответ: «Овагим, ну ладно, ладно, что поделаешь, если люди нуждаются».

В советской литературе о российском дворянстве утверждается, что это были изнеженные и избалованные судьбой люди. Окруженные с детства прислугой, росли они барчатами и, в конечном счете, становились «нарывом на теле народа». Задаю себе вопрос, почему же это не случилось с моей бабушкой? Трудно себе представить, чтобы Григор-бек с его материальными возможностями не имел слуг. В своей деревне он был бог и царь. Восседая поутру в своем кресле, он ждал, когда выстроившиеся в очередь внучата один за другим, в сопровождении своих родителей, подойдут и поцелуют ему руку. Мама рассказывала, что ей, маленькой, эта старческая, морщинистая рука казалась какой-то ужасной, и она плакала, не желая исполнять вековую традицию. На что голубоглазый старик склонялся над ней и добродушно спрашивал: «Девочка, ты почему не хочешь поцеловать мне руку?»

В доме моего деда Овагима никогда не было ни одного слуги просто потому, что его семья не имела таких материальных возможностей. Он не был князем. Он считался по тому времени *интеллигентом*. Дом его блистал чистотой и порядком. Соседи, пожилые люди, рассказывали, что Варсеник больше всего запомнилась им с веником и мокрой тряпкой в руках, а дети ее – всегда чистенькими и опрятно одетыми, и это при том,

*Княжна Варсеник Степанян, урожд. Мелик-Шахназарян.
24 года. Примерно 1914 год.*

Воспоминания одного человека

Рафаэль Арутюнян

что в горах с водой всегда проблема. О каком тут «нарыве» может быть речь?

Трудолюбивее, благороднее и опрятнее, чем дом и семью Овагима и Варсеник Степанянов, трудно себе представить.

У мамы было три брата. Следующим за ней шел Григор (позже именуемый Григорий), на два года моложе ее, потом Завен, на столько же моложе Григора, и последним – поздний ребенок Альберт, на семь лет моложе Завена. Это был мой любимец дядя Або. В детстве я не слезал с его плеч. Был он очень худым и высоким, я же, будучи в восторге оттого, что нахожусь так высоко, кричал своему отцу: «Я теперь старше тебя!» На что тот терпеливо поправлял: «Не старше, а выше».

Братья были очень разными, но все беспрекословно подчинялись моей маме – их старшей сестре. Дольше всех прожил дядя Гриша. Ему было за 70, когда его насмерть сбила машина. Водителя не посадили, посчитав, что дядя сам нарушил правила перехода улицы. Сын дяди, мой двоюродный брат Мигран, потребовал от виновника смерти дяди Гриши возместить расходы на похороны.

Говорят, что тот наскреб нужную сумму денег, порядком одолжив у сослуживцев (похороны на Кавказе – процедура дорогостоящая). Но когда брат через год потребовал у него и на годовщину смерти, т. е. на поминки (не знаю, правда, в какой форме было выражено требование), шофер убил его ударом кувалды по голове. Про нас, кавказцев, говорят, что мы вспыльчивые и несдержанные, но водитель-убийца как раз был русский.

Два других дяди – Завен и Альберт – не вернулись со второй мировой войны. В войну мы все вместе жили в Баку. В 1941 году из нашего не очень большого дома по улице Касума Измайлова, 137 ушли на фронт шесть призывников. Никто не вернулся назад.

Я знаю, что миллионы и миллионы молодых парней нашей обширной тогда страны полегли на полях сражений этой совершенно кошмарной войны. Знаю. Знаю и видел, как разрывались от горя сердца матерей, сестер, жен, получавших треугольные похоронки. В силу своей цепкой зрительной памяти, с раннего детства и по сей день все это помню, а

Овагим Степанян, муж Варсеник.

Воспоминания одного человека

Рафаэль Арутюнян

иначе не сел бы за письменный стол. Но мое сердце разрывалось от горя только об одном человеке, об Абики. Он, как говорили тогда, пропал без вести. Никто не знал, как долго я его ждал. Наверное, лет двадцать, если не больше. Думал, может, где-то он живет за границей и не рискует объявиться, ведь были же случаи: через много лет объявлялись бывшие военнопленные. Сколько он мне снился... Я помнил, как он со мной возился. Мать рассказывала, что перед его мобилизацией я буквально не отходил от него ни на шаг, очевидно, уже чувствуя что-то. А после того, как он ушел, температурил пару дней, хотя ни кашля, ни насморка у меня не было. А ведь мне тогда было всего-то четыре года. Этот двадцатилетний парень, умный и застенчивый, за свою жизнь не взявший ни одной девушки под руку, не говоря уже о большем, ушел безвозвратно. И сколько было таких!

Пришло время вспомнить и про отцовскую линию. Дед моего отца, а значит, мой прадед, Галуст Арутюнянц, был родом из Зангезура – области в Армении, которая в силу своего сложного горного рельефа была способна противостоять нашествию любых иноземных захватчиков. Веками народ ее в постоянной борьбе выковывал свой свободолобивый и независимый характер, воспитывал в себе мужество.

Рассказывали, что прадед был ярким представителем своего народа. Выходец из простой крестьянской семьи, он приобрел профессию холодного сапожника (ремонт изношенной обуви) и переехал в Баку – большой интернациональный город – в поисках лучшего заработка, а значит, и больших перспектив. Когда он женился и на ком, я не знаю, но знаю, что было у него два сына, один из которых, Кристофор, и стал моим дедом со стороны отца.

Сам Галуст был среднего роста, кряжистого телосложения и воинственного характера. Сыновей же вырастил очень разных. Хайк как бы повторил его, а Кристофор, скорее, пошел в мать: был несколько робок, мелочен, но очень трудолюбив. Да простит меня Бог за столь нелестную, хотя и объективную оценку усопшего.

Дети Варсеник и Овагима Степанянов – Гохар и Григорий.

Воспоминания одного человека

Рафаэль Арутюнян

Прадед Арутюнянц был порядком ленив, любил поспать и, как рассказывала моя бабушка, хорошо относился к невесткам, за что и они любили его. Редко болел, но когда простужался, а простудиться в Баку – городе ветров – раз плюнуть, лечился только одним способом: неизмеримо много потел. Никого и ничего не боялся. В криминале на Востоке недостаток никогда не было, а он возвращался поздно вечером домой через огромные загородные пустыри, вооруженный одной лишь тяжелой тростью, с которой никогда не расставался.

В период армяно-тюркского конфликта, когда в воздухе уже запахло кровью, Кристофор с семьей, состоящей из жены и троих детей, собрался эмигрировать на Северный Кавказ. Прадед уезжать наотрез отказался. Заявил: нажитое годами добро нельзя оставлять на разграбление мародерам. Что было потом, рассказали соседи. Пришли азербайджанцы, стали стучать в дверь, грозясь ее сломать. Старик открыл и, встав у порога, резко спросил, что им надо. Требовали ценностей. Ответ последовал не менее резкий: ценностей никаких нет, и убирайтесь отсюда подальше. Кто-то из толпы ударил его ножом в живот, и все бросились бежать. Соседи же в страхе за свою жизнь боялись и носа высунуть из дверей. Так и не получив медицинской помощи (жена у него умерла несколькими годами раньше), прадед истек кровью и умер.

Пожалуй, вот и все, что я знаю о нем. Знай я в молодости, что когда-нибудь сяду за стол с целью описать жизнь и деятельность своих предков для своих же потомков, я бы, конечно, гораздо больше повыспрашивал у своих дедушек и бабушек об их далеких корнях, чтобы как можно глубже и лучше знать свою родословную. Но, увы, кто из нас в юности думает об этом? Надеюсь, что внукам моим и правнукам будет гораздо легче. Есть куча наших фотографий, есть, скульптурные, графические и живописные изображения близких, есть даже видеокассеты, на которых мы запечатлены в нашей повседневной жизни, и аудиокассеты, хранящие наши голоса. Даст Бог, останется и печатное слово, когда завершу это повествование. Потомкам потребуется только одно – *поинтересоваться*, и если это случится, то мы не умрем, мы будем жить вечно в их сердцах и мыслях. Вот только случится ли это?..

Варсеник (Варвара) Арутюнова, жена Кристофора Арутюнова.

Воспоминания одного человека

Рафаэль Арутюнян

Прадед кое-как кормил семью своим ремеслом, но так и не разбогател, и сыновья его, став юношами, не имели за душой ни гроша. Мой дед подростком, устроился в какой-то магазин мальчишкой на побегушках и дорос там до должности приказчика. Проработав на этом месте несколько лет и скопив некоторую сумму денег, он открыл свой маленький магазин, скорее, лавку. Будучи малограмотным, вел дела больше по памяти, так как не имел приходно-расходной книги. А дела шли, состояние росло. Встав наконец-то на ноги, выбрал себе невесту – девушку из Шуши по имени Варсеник, тезку моей бабушки по материнской линии, но мы все и даже сам дед называли ее Варей (для нас – баба Варя). Худощавая, с серыми глазами и волнистыми волосами с сединой, она выглядела несколько холодноватой в сравнении с моей другой бабушкой. Если для той мы с сестрой были самыми любимыми внуками, ведь она жила с нами и воспитывала нас, то эту мы видели сравнительно редко и особого тепла от нее не ощущали. Но жена и мать она была хорошая, что у армян отнюдь не редкость, и светлая ей память на все века.

Дед же был фигурой колоритной. Небольшого роста, лысый, с одним расширенным глазом (в детстве кто-то угодил камнем из рогатки), он был скуповат, богат и, как я уже говорил, жаден до работы. Своей энергией и сообразительностью едва не выдвинулся в купцы первой гильдии, но добиться этого помешала революция семнадцатого года. По-русски говорил с акцентом и страшно выходил из себя, когда кто-либо хотел его обмануть. В такой ситуации расширенный глаз его становился еще шире и он, вперив его в собеседника, изрекал: «Кому ты это говоришь? Минэ? Вах-вах-вах. Когда птица над моим домом лэтит (*m* твердое – *P. A.*), я знаю, куда она лэтит и о чем она думает».

Ко мне он относился полубезразлично, наверное, сказывалось, что и мой отец не пользовался особой любовью своих родителей. Когда я спросил отца, в чем причина, он ответил: «Потому что я от природы не коммерсант, как он», т. е. дед. (Лично я в этом очень и очень сомневаюсь: отсутствие способностей к коммерции – вовсе не грех с точки зрения любых родителей). А вот дед однажды охарактеризовал отца следующим образом: «Не может сказать ни одного слова, чтобы при этом не

*Кристофор Арутюнов, купец первой гильдии,
сын Галуста Арутюнянца*

Воспоминания одного человека

Рафаэль Арутюнян

соврать». И это, пожалуй, правда. Сколько мне самому пришлось краснеть за его безудержный треп, один Бог знает.

Деда Овагима я никогда не видел. Я родился в 1937 году, как раз тогда, когда его выслали в Сибирь как врага народа. Там он вскоре и скончался. Мама рассказывала, что он был честнейшим человеком и обожал свою единственную дочь, мою маму. Что бы ни рассказывали старшие, одно дело слушать и запоминать, другое дело видеть. Больше ничего не могу вспомнить о нем.

Бабушку в этот год на нервной почве разбил паралич, который медленно прогрессировал в течение 15 лет до полной атрофии всего организма. Я до самой ее смерти ухаживал за ней, и она меня очень и очень любила. Когда она скончалась, мне было 16 лет. Ее светлый образ навечно врезался в мое сердце. И вообще, мне сказочно повезло с женщинами: была прекрасная бабушка, чудесная мама, была верная и добрая жена, смею надеяться, что и невестка будет такой же супругой для моего сына, и еще у нас растет настоящее сокровище моей души – внученька Диана.

У Кристофора с Варей было пятеро детей: Грант, Сурен, Розалия, Георгий и Эдуард. Сурен стал моим отцом. В жизни все они оказались хваткими, деловыми людьми, но к учебе не очень тяготели, высшего образования никто не получил, хотя возможностей и способностей у них было предостаточно. Грант юношей покинул отчий дом и прожил в Москве 25 лет, время от времени занимая какой-нибудь ответственный пост. Среди всех братьев он был самым начитанным и интеллигентным. Сурену – моему отцу – с детства грезилась военные подвиги, и он тоже рано покинул родовое гнездо и поступил на военную службу. Розалия удачно вышла замуж и воспитывала своих детей, стараясь быть примерной женой и матерью. Георгий, вернувшись с войны, сделал карьеру в сфере пищевой промышленности, дорос до должности заместителя генерального директора Бакинской бисквитной фабрики. Эдуард, намного младше их всех, тоже уехал в Москву и до пенсии проработал в сфере строительства, став хорошим специалистом в этой области.

Ни с кем из своей обширной родни я никаких отношений не поддерживаю. Тут я следую советам О. Генри. В одном из его рассказов старик советует молодому: «Если тебе когда-нибудь случится еще раз родиться

Варсеник (Варвара) Арутюнова

Воспоминания одного человека

Рафаэль Арутюнян

на свет, первое, что тебе надо сделать, это постараться родиться без родственников, так как все дурные слухи, что распространяются по свету о тебе, – это заслуга твоих родственников» (цитирую по памяти). Еще раз на божий свет я вряд ли появлюсь, а пока живу, буду ограждать себя и свою семью от склок и клеветы, исходящих, как очень точно подметил О. Генри, в основном от родни.

Из многочисленных двоюродных братьев и сестер я любил только одну – Таню, дочь дяди Гранта. Мама у нее русская: они переехали из Москвы в Баку, когда ей было 10 лет, по сути дела, на похороны своего отца. Маленькая, тихая и молчаливая, она была совсем не похожа на нас, армян, шумных и задиристых, и я проникся к ней самыми теплыми братскими чувствами. Хочу добавить вот что. Я знаю, какие могут складываться отношения между двоюродными братьями и сестрами у других народов. К примеру, у евреев, когда разрешаются браки между ними. У мусульман, в частности, у азербайджанцев, да и у православных русских браки между кузенами и кузинами, если не поощряются, то и не воспрещаются. Но у армян брачные связи не только между двоюродными, но и между троюродными братьями и сестрами во избежание кровосмешения строжайшим образом запрещены. Поэтому еще раз подчеркиваю, отношение у меня к ней было самое братское и самое нежное, как к родной сестре, тем более что родная сестра отнюдь не страдала избытком любви ко мне.

Все, что вспомнил я сам из рассказов старших, я постарался рассказать и вам, в первую очередь, своим потомкам, а если будет интересно, и всему человечеству. О своих далеких и более или менее близких родственниках, о людях, являющихся, на мой взгляд, определенными звеньями в цепи, характеризующей историческое развитие нашей, отнюдь не простой, эпохи. Может быть, несколько сухо и хронологично? Может быть. Но зато ни слова лжи, никаких литературных и архитектурных излишеств. Может быть, и не так уж талантливо? И это может быть. Но я ведь и не претендую на Нобелевскую премию. Я не писатель и не поэт. Я всего лишь художник. Но как представлю себе, что возьмет эту книжку правнук и прочтет эти скупые сведения о своих далеких предках, о своем пра-пра-пра-прадедушке... вот здорово! И может быть гордость за таких пращуров удержит его от каких-либо тлетворных влияний и опрометчивых поступков. И дай-то тому Бог.

Мой отец Сурен и моя мать Гохар (Галя)

Когда родился маленький Сурен, завьли не только дворовые собаки, но, наверное, даже волки в лесу, до того это была неординарная личность. Уже в раннем детстве он был сущий дьяволенок, сорвиголова, неизменный лидер среди сверстников. Гораздо позже я стал понимать его недоумение по поводу меня и сестры: «Господи! В кого же эти дети? Прямо как будто не из моего гнезда!» Да куда уж нам, особенно мне, до шести лет все еще державшемуся за мамину юбку...

Воспоминания одного человека

Рафаэль Арутюнян

У маленького Сурена будто шило было в задку, непоседа, забияка и скандалист с неумемной фантазией во всем. К примеру (рассказывает тетя Розалия), играют дети во дворе в прятки. Все уже друг друга нашли, а Сурен пропал. Все ищут только его. Безрезультатно. Ни на какие детские призывы не отзывается, а уже темнеет. Подключились и взрослые. Все без толку. И только на зов отца вдруг отодвигается крышка старого заброшенного колодца, и оттуда показывается детская головка с озорными и одновременно настороженными глазенками: с отцом шутки плохи, он мог и хорошую трепку задать, а рука у него тяжелая, с широким обручальным кольцом на безымянном пальце.

Или вот еще рассказ бабушки. Почти напротив нашего дома стояла армянская церковь. С вечера в нее внесли тело усопшего с тем, чтобы утром отпевать. Вокруг церкви ограда – чугунная решетка, и сама церковь на ночь запирается. Но откуда было об этом знать детям, игры которых проходили во дворах, так как на улице интенсивное движение общественного транспорта. Однако о покойнике знали все. Естественно, это вызвало повышенный интерес: как же там должно быть страшно ночью. Кто-то из детворы обронил: «Нет на свете такого смельчака, кто решился бы проникнуть в церковь ночью!» Маленький Сурен тут как тут: я смогу! Поспорили – и стали дожидаться глубоких сумерек. Сурен пролез через ограду, подошел к церкви и попытался открыть дверь. Дверь не поддавалась. Страх нарастал в сердце малыша, но отступить было нельзя – засмеют. Сурен дернул ручку раз, другой, третий... Внезапно дверь отворилась, и на пороге предстал старик в белом, как саван, нижнем белье. Это церковный сторож проснулся от шума и пошел поглядеть, что происходит. Мальчик принял его за мертвеца и с легким вскриком повалился на порог. Маленького Сурена увезла «скорая помощь». Потом эпилептические припадки и мания преследования продолжались у него до самой женитьбы.

Как он учился в школе, никто не знал. В дневник никто не заглядывал, а записки учителей, адресованные родителям, не говоря уже об устных вызовах, естественно, до них не доходили. Но мальчишка учился, правда, меняя школу за школой и выбирая их по своему усмотрению, в кон-

Гохар (Галя) Степанян (в первом ряду слева) среди актива 2-ой ступени 39 школы. 12 июня 1928 г. Баку.

Воспоминания одного человека

Рафаэль Арутюнян

це концов он и сам потерял счет своим школам. Но однажды после какой-то провинности Сурен не имел никакой возможности открутиться: учитель грозился прийти домой пожаловаться родителям на совершенно невозможное поведение их сыночка. Надо было срочно что-то придумать. И Сурен нашел выход. Подойдя на улице к более или менее прилично одетому бродяге, он показал ему рубль, выданный родителями на завтрак, и спросил: «Хочешь заработать?» – «А что я должен сделать?» – последовал вопрос. – «Ничего особенного, побудешь недолго моим отцом». Тот согласился. Пошли в школу. Все шло по плану, за исключением одного маленького нюанса. Мальчишка и не представлял, насколько много накопилось жалоб у бедного учителя, и были они все такими душераздирающе драматичными, что даже нанятый за рубль бродяга не выдержал в конце концов и вlepил звонкую затрещину мнимому сыночку прямо в присутствии учителя. Позже на улице между «сыном» и «отцом» начался возбужденный спор, обязан ли бродяга вернуть рубль в качестве компенсации за затрещину. Бродяга, конечно, сознавал, что явно вышел за рамки договоренности. Ему пришлось долго извиняться перед своим будущим отцом, оправдываясь тем, что нервы просто не выдержали перед потоком обвинений со стороны настрадавшегося учителя. Так что маленькому сорванцу досталось по заслугам. Поразмыслив, Сурен решил, что, несмотря на издержки, в целом бродяга рубль свой заработал. Инцидент был исчерпан.

Голова у отца была светлая, особенно легко ему давалась математика, и учился он в целом неплохо, хотя в дальнейшем, уже в зрелые годы, в силу особых жизненных обстоятельств, больше тяготел не к точным наукам, а к изучению законов, к юриспруденции.

В школе на одном из вечеров, в подготовке которого он принимал активное участие, Сурен вдруг почувствовал себя плохо, и дальше память отключилась. На следующий день друг рассказал ему, что произошло: «Тебя стала бить падающая. Мы окружили тебя и не знали, что делать. Вдруг прибежали две девчонки с медицинскими сумками, отстранили нас и стали над тобой «колдовать». Они-то и привели тебя в чувство, особенно усердствовала одна из них, Галка Степанова».

*Гохар Степанян (Галя Степанова) и Сурен Арутюнов
в день свадьбы. Баку, 1929 г.*

Воспоминания одного человека

Рафаэль Арутюнян

В те годы нередко армянские фамилии и даже имена переименовывались на русский лад. К примеру, Гохар Степанян стала Галей Степановой, отец именовался уже не «Арутюнян», а «Арутюнов».

Сурен не преминул отыскать эту девушку, ею оказалась ученица девятого класса (Сурен был уже в десятом, выпускном), самая красивая девочка на свете и в будущем самая преданная жена и заботливая мать, моя мама – Гохар Овагимовна (Галина Яковлевна) Степанян.

Свидания были красивыми, отношения чистыми, Галке давно нравился этот мужественный парень атлетического телосложения, с волнистыми светло-каштановыми волосами и слегка нагловатыми зелеными глазами.

Она переехала из Степанакерта в Баку по окончании седьмого класса, так как в их городке с русским языком была только школа-семилетка, а многие родители армянских детей старались дать им именно русское образование, предполагающее более широкую перспективу будущей карьеры их отпрысков, живущих в огромном Советском Союзе.

Поначалу Галя квартировала у своей тетки, сестры матери, Соне, у которой было пять дочерей, а позже переселилась на квартиру к бывшему односельчанину, дяде Абраму. Абрам был крупным мужчиной с маленькой хрупкой женой и тремя дочерьми, с сугубо традиционным армянским бытом. Конечно, мой дед мог быть спокоен за свою дочь, зная, что она живет в такой патриархальной и к тому же хорошо знакомой семье.

В доме Абрама не раз появлялись молодые люди из хороших семей, что тогда считалось немаловажным, в сопровождении своих родителей и с букетом цветов для будущей невесты, с целью увидеть, оценить и, при благоприятном стечении обстоятельств, обручиться с юной Гохарик. Откуда им было знать, что сердце девушки уже занято? Всем им было отказано. Дядя Абрам с женой, тетей Маргаритой, сокрушались, видя как уходят ни с чем положительные, уважаемые люди, но поделать ничего не могли. Порядки были пока еще традиционными, хотя и претерпевали некоторые изменения, но и по этим средневековым армянским традициям последнее слово всегда оставалось за невестой. А после того, как удалилась одна назойливая семейка, настаивавшая на новой встрече

че, мама, как потом она сама рассказывала мне, открыла окно и выбросила подаренные гостями цветы им под ноги, прямо на улицу.

В конце концов до Степанакерта дошел-таки слух, что Гохар встречается с одним из сыновей из той самой, в прошлом купеческой, семейки Арутюновых, у отца которых при царе была фирма под названием «а ля кокет», торговавшая в основном женским бельем иностранного пошива. Никого это не обрадовало. Да еще когда выяснили, что встречается она с этим «башибузуком», с этим сорвиголовой, с этим известным на весь город драчуном Суреном, семья пришла в ужас. Абраму с женой было дано строжайшее указание всеми силами препятствовать их встречам. Легко сказать, а как сделать? Не запретишь ведь Гохар ходить в школу и не станешь ежедневно встречать из школы великовозрастную девицу... А кто семью кормить будет? А кто – смотреть за собственными детьми? А не подговорить ли дворовых парней, чтобы подкараулили и как следует отмузузили этого наглеца? Но как это сделать, если они сами его, как огня, боятся, а одному из них, самому здоровому, он лично недавно набил морду так, что тот две недели не то что на улицу, а в своем окне не появлялся. Вот проблема. В конце концов решили голову не ломать, дать девушке возможность закончить учебу, а дальше пусть ее родители сами решают, что делать с такой строптивой дочкой.

Тем временем дни шли, Галя-Гохар перешла в десятый класс, Сурен закончил учебу и был командирован в Среднюю Азию на ликвидацию басмачества. Он довольно быстро рос по службе и вскоре стал начальником пикета погранотряда. Прошел год, и Сурен приехал в Баку в отпуск. Галя к тому времени закончила среднюю школу с хорошими оценками – учиться она любила, и они втайне от всех расписались в ЗАГСе.

У комсомольцев тогда это было в моде: почти никакой свадьбы, никаких обручальных колец, никаких черных фраков и подвенечных платьев – все это считалось буржуазными пережитками, а они были современной молодежью, строившей светлое будущее. Комсомольцы раскрепощали мусульманскую женщину, снимали с нее паранджу, внушали мужчинам ислама, что многоженство – это очень плохо. Окончив вузы, они шли работать в села, строили города, не жалея своего здоровья, ибо ус-

Воспоминания одного человека

Рафаэль Арутюнян

ловия были кошмарными. И все для будущей светлой жизни, в которую они свято верили. Завидую я их оптимизму...

Отпуск быстро закончился. Пришло время Сурену возвращаться на службу - теперь уже с молодой женой. Билеты на пароход, плывущий в Красноводск, взяты, встреча назначена на пристани. Время идет, а Галки все нет. Сурен уже на борту. Ждет, томится, места себе не находит. Вот-вот должны поднять трап. Бегом на капитанский мостик с пачкой денег в руках. Уговорил подождать еще пятнадцать минут. Прошли и эти минуты. Казались вечностью, а пролетели мигом... Еще одна пачка денег - и еще пятнадцать минут. Больше капитан ждать не соглашается. Подняли трап, и пароход медленно стал отплывать. И вдруг (отец обладал острым зрением) где-то очень вдалеке замелькало что-то белое, почти как звездочка. Сердце екнуло - Галка! Вгляделся, напрягая взор изо всех сил. Так и есть, на бешеной скорости фаэтон мчался к пирсу, и худенькая девушка, стоя на подножке, изо всех сил крутила в воздухе белым платком. «Капитан! Капитан! Вон она летит!»

Капитан расплылся в улыбке и дал команду подойти к пристани и вновь опустить трап. Под удивленными взглядами толпы провожающих и отплывающих по трапу стремительно взбежала юная девушка - и рухнула прямо в объятия какому-то молодому человеку. Этот случай остался в памяти у родителей на всю жизнь, и они не раз пересказывали все это мне с сестрой.

Но почему мать так опоздала? Причина нехитрая. Абрам, заметив, что Гохар собралась куда-то из дому с чемоданчиком, заподозрил неладное и запер дверь. Из окна не выпрыгнешь - третий этаж. Хозяин, выполняя инструкции, стал требовать объяснений. Разразился скандал, в подробности которого мать никогда нас с сестрой не посвящала. На мой вопрос: «Как же они тебя все-таки выпустили?» - мать ответила кратко: «Я показала им паспорт с печатью ЗАГСа». Я чувствовал, что этим дело не ограничилось, но понимал, что настаивать на продолжении диалога не следует.

Я старался понять старшее поколение. Ведь они прожили свою жизнь, стремясь освоиться в ней, как могли, приноровиться не только к ритму, но и к духовному содержанию той эпохи. Тогдашняя мораль пропове-

довала чуть ли не библейскую чистоту взаимоотношений между мужчиной и женщиной, требовала трепетного отношения мужчины к своей избраннице, однако вполне нормальным считалось то, что муж вез свою любимую в военный городок недалеко от Бухары или Самарканда, по сути дела, под пули басмачей.

Я не преувеличиваю. Почти все близкие тогда отцу люди, его сослуживцы, офицеры, или, как тогда говорили, командиры, были убиты из-за угла, их имена он помнил всю жизнь. Тогда я не находил для себя нужным запоминать чужие мне и ничего не говорящие имена, а жаль, но оно и понятно – не думал я, что когда-нибудь возьмусь за перо с тем, чтобы оставить об этих людях хоть какую-нибудь память, тем более, что чувство глубокого уважения я испытываю к ним и по сей день.

Отец поведал мне многие случаи как из своей военной, так и из гражданской жизни. В этих рассказах он, как правило, представал чуть ли не Робин Гудом. Упомяну лишь о тех, достоверность которых не вызывает у меня сомнений. Мать присутствовала при этих рассказах, сидела в сторонке и, если отец не врал, молча кивала мне головой в знак подтверждения его слов. Да и из этих рассказов я отобрал лишь отвечающие следующим требованиям: в той или иной степени они могли являться поворотными пунктами в его и маминой судьбе; интересные сами по себе и могли служить примером для подражания моим потомкам. Именно поэтому я решил: в этой книжке никакой грязи (а ее было немало) не вспоминать и, конечно, не тревожить недобрым словом покой усопших, ведь они уже не в силах мне возразить.

Действия погранзаставы были довольно эффективны: многие кишлаки удалось полностью очистить от басмачей, советская власть все крепче утверждалась на местах. Все это, очевидно, и послужило причиной некоторого расслабления, а следовательно, и частичной утраты бдительности среди командного состава. Но ведь в любом военном столкновении всегда есть непримиримые или, как их называл отец, курбан-баши.

Как-то, будучи в одном из кишлаков и не имея иной охраны, кроме ординарца, отец вступил в беседу с местными феллахами (владея в совершенстве азербайджанским языком, он довольно внятно мог изъясняться и по-узбекски). Чтобы быть поближе к народу, он слез с коня и продол-

Воспоминания одного человека

Рафаэль Арутюнян

жал отвечать на вопросы. Думаю, в основном он агитировал за советскую власть. Ординарец находился несколько поодаль и, как помнилось отцу, продолжал оставаться в седле. И вдруг...

Очнулся отец в сарае, лежа на земляном полу. Руки и ноги его были крепко связаны, а в затылке пульсировала нестерпимая боль. Сознание стало постепенно проясняться. «Надо же было так глупо влипнуть», – подумал он. Исход в подобных случаях всегда один: издевательства, пытки и неминуемая смерть. «Да, но я же был не один, а где мой ординарец?» – продолжал размышлять он. – «Помещать двух пленных в разных сараях не характерно для басмачей. Предательство исключено».

И тут, хоть и очень слабо, стало всплывать в сознании, будто слышал он топот скачущих конских копыт. Но было ли это на самом деле или ему померещилось? Если было, значит, ординарцу удалось бежать, а если удалось, это все же шанс на спасение, хоть и очень слабый. А если все это померещилось? Сурен не желал умереть в муках, под пытками. Он уже мысленно прощался с молодой женой, со всеми близкими и обдумывал, как покончить с собой.

Тут отворилась дверь, Вошедшие в нее вооруженные люди окатили Сурена водой и поволокли в какую-то хибару. Начался допрос – сколько на заставе людей, лошадей, каково вооружение, имена командиров и их жен, если таковые есть. В общем, все, что могло интересовать бандитов.

Не знаю, как держался отец, хочется верить, что достойно. Тем более, что пыток к нему не применяли. Вернее, не успели применить. Вдруг вдалеке послышались выстрелы. Сначала слабые, потом громче, и топот копыт – он нарастал, приближаясь. Басмачи забеспокоились. Сурен заметил, как они переглядываются между собой, как вопросительно и с тайной надеждой смотрят на пленника, и поспешил воспользоваться ситуацией: «Если хоть один волос упадет с моей головы, эскадрон не оставит никого в живых в вашем кишлаке, а сам кишлак предадут огню».

Басмачи знали, что это была не пустая угроза, такое уже случалось и не раз. Они только не могли понять, откуда застава так быстро узнала об исчезновении одного из командиров. Ординарца они упустили из виду, а тот сумел улизнуть, прискакать на заставу и привести подмогу. По-

Арутюновы и Степаняны (слева направо): Григорий, Кристофор, Варвара, Сурен, Гохар, неизвестная девушка, Завен. Карабах. Начало 30-х годов.

Воспоминания одного человека

Рафаэль Арутюнян

границники начали стрельбу в воздух издалека, рассчитывая, что бандиты, услышав их, не решатся расправиться с командиром. Расчет оказался верным. «Мы тебя не тронем, но ты должен гарантировать нам всем жизнь», – сказали басмачи. «Всем не могу, – после некоторого раздумья ответил отец. – Дайте имена тех, кого ни в коем случае трогать нельзя». Имена были записаны.

После прибытия эскадрона именно те басмачи, чьи имена оказались в списке, были поставлены к стенке и расстреляны без суда и следствия. Команду «Огонь!» отдал сам отец.

Моя мать, насколько возможно, старалась везде и всюду находиться рядом с отцом. Наездницей она была отличной – освоила верховую езду с раннего детства, еще в деревне, и не уступала отцу ни в седле, ни в стрельбе, ни, при необходимости, в застолье. Как-то, поспорив с ним, кто больше сможет выпить сухого вина, точнее, кто раньше окажется под столом, она выиграла этот удивительный поединок. Позже секрет этой победы раскрылся, и стало ясно, что результат был заранее предрешен.

Если помните, я упоминал, что в подвалах ее деда, Григор-бека, хранились карасы с многолетними винами. Когда приезжали гости, старик посылал внучку в погреб за вином. Требовалось из емкости с помощью шланга, находящегося в карасе, выцедить его в небольшой бурдюк. При этой процедуре несколько глотков напитка неминуемо попадало в рот ребенку, и так было каждый раз, когда приезжали гости. А однажды, когда гостей было больше обычного, соответственно, и в подвал пришлось бегать чаще... И вот очередной бурдюк задерживался – посланная исчезла. Старшие, не дождавшись возвращения девочки, спустились в погреб и нашли дитя мирно спящим прямо у караса с наполненным и тщательно закрытым бурдюком. Так, по словам матери, была выработана стойкость организма по отношению к хорошему сухому вину с раннего детства. И я в это верю. Ведь и у нас в доме всегда было вино (правда, не из карасов), но я ни разу в жизни не видел свою мать не то что выпившей, но даже слегка навеселе.

Во время службы в Узбекистане отцу с матерью не раз доводилось быть зваными гостями у кого-нибудь из местных жителей, конечно же, у того,

кому, по мнению самого начальника погранзаставы, можно было доверять. Но даже при этом условии, рассказывала мать, отец был до зубов вооружен, а мама никогда не расставалась с дамской сумочкой, в которой находился небольшой пистолет. Угощали их в основном пловом с кониной, ну и, разумеется, местными фруктами – и делали это, думаю, в поисках благосклонности отца, чтобы он помог в решении тех или иных проблем в нелегкой жизни коренного населения. И узбеки находили эту благосклонность. Отец был великодушен, жизнелюбив и никогда не отказывался от поднесенной чарки водки, что, надо думать, местное население вскоре успело заметить.

Но продолжалось это только до того памятного похищения Сурена. Побывав пленником басмачей, молодой командир усвоил неоспоримую истину: пока идет противостояние, доверять нельзя никому. Ведь кто-то из тех, с кем он ел и пил, выдал его басмачам. Да, в ответ он расправился с ними, беспощадно расстреляв всю бандитскую верхушку без суда и следствия, и, слава Богу, на военной карьере его это никак не отразилось: в верхах дело удалось замять. Но ведь все могло кончиться куда более драматично, не приди вовремя на помощь товарищи. И это в благодарность за то, что Сурен, если мог помочь, всегда шел навстречу людям. Понимал он и то, что расстрел главарей ему никогда не простят и не забудут, и слежка за ним и его женой будет круглосуточной. Ладно бы за ним одним, а за что должна страдать молодая жена? Ведь убьют, не задумываясь, если схватят. «Значит, я привез ее сюда, чтобы ее тут же и убили?» Эта мысль не давала ему покоя ни днем, ни ночью.

Как сказал академик Павлов, причина всех заболеваний – нервы. Очевидно, в данном случае постоянное нервное напряжение ослабило организм отца. А тут еще эпидемия тифа... И вот возобновились, казалось, исчезнувшие навсегда припадки. Но теперь проходили они в очень тяжелой форме, настолько тяжелой, что мать в одиночку не справлялась и вызвала на помощь из Баку свекровь, не заставившую себя долго ждать и прибывшую первым же парходом.

Потом медкомиссия. «Органам» люди были нужны, тем более опытные командиры, но ведь не эпилептики же! Сурена комиссовали и, как я понял по той интонации, с которой он об этом вспоминал, сам он не

Воспоминания одного человека

Рафаэль Арутюнян

очень-то и противился, хотя прямо в том никогда не признавался – гордость не позволяла. Но и припадков с тех пор и до конца его дней больше не наблюдалось.

Вернувшись в Баку, отец с матерью поселились у его родителей, и вскоре мама забеременела моей старшей сестрой. В Узбекистане у мамы был выкидыш – она поправляла занавески, стоя на подоконнике, и неудачно упала. Не случись этого, у нас с сестрой был бы старший брат. Так говорил отец, а может быть, он просто подтрунивал над нами?.. Во всяком случае, могу себе представить, как они оба после столь горького опыта оберегали вторую беременность.

Отношения в семье отца складывались не лучшим образом. Дед с бабушкой прочили сыну богатую невесту и уже давно подыскали ее, а он женился на бесприданнице. Прямо как в старинном пошлом водевиле.

А с другой стороны, я сам не раз убеждался, насколько банальна жизнь. Сколько раз задавал себе вопрос: есть ли вообще в ней, в этой жизни, что-то истинно прекрасное или все, что мы знаем в искусстве возвышенного, благородного, – всего лишь плод чьей-то фантазии? Но не буду отклоняться, а тем более в область теории искусства, потому что я не философ и уж никак не ученый, – как говорится, каждому свое.

Итак, отношения у мамы не столько со стариками, сколько с сестрой отца Розой становились все более напряженными, а родители, естественно, поддерживали свою дочь. И как-то раз золовка, проходя мимо беременной невестки, умышленно толкнула ее в живот тазом, полным мокрого белья. Мама почувствовала боль и, конечно, бросилась в слезы, испугавшись за свою беременность. Вернувшись с работы отцу все было тут же рассказано. Ярости его не было предела. Схватив сестру за волосы, он водил ее физиономией по всему полу двухкомнатной квартиры с обширным коридором. На этом и закончилась их семейная жизнь под родительским кровом.

Будучи изгнанными из дома, отец с матерью поселились в первой же попавшейся комнатухе на чердаке того дома, где и родились в дальнейшем моя сестра Эмма и я. Отец продолжал работать в системе госбезопасности. Мать родила полноценного и здорового ребенка – дочку.

Сурен Арутюнов, работник ЧК.

Воспоминания одного человека

Рафаэль Арутюнян

Правда, из-за некоторой природной черствости характера сестры я временами подтрунивал над ней, напоминая о тяжелом тазе, ожесточившем уже в утробе матери ее нежное, чувствительное сердце.

Шел 1933 год. Мама поступила в медицинский институт, дочку отправила к своим родителям в Степанакерт, а сама с отцом продолжала обустроить свой быт. К одной комнате отец присоединил вторую, ранее использовавшуюся для сушки белья. Соседи во всем доме сначала были этим крайне недовольны, но никто не посмел вступить в конфликт с чекистом, да и сушат белье на юге обычно во дворах, на натянутых между этажами веревках, скользящих по маленьким роликам. Так что особенно ущемленным никто не оказался, да и то, что ворюги во всем квартале старались за километр обходить наш дом, со временем оценили все.

А маму полюбили все жильцы дома – тихую, добрую и очень женственную Галочку невозможно было не полюбить. Боюсь быть излишне сентиментальным и по-сыновьи необъективным, но я действительно не знаю никого, кто мог бы считать себя ее врагом. Всем все прощающая, готовая бежать на помощь по первому же зову, при этом никогда не ронявшая своего достоинства, даже когда ее обижали, она осталась в моей памяти самым светлым существом, какое я знал в своей жизни.

Позже, окончив вуз, мама работала детским врачом в одном из отдаленных районов Баку, на Баилове, и еще дальше, на Би-би Эйбате, но наш дом, хоть и не официально, всегда держался на ней. Чуть что случится, не только с чьим-либо ребенком, но и со взрослыми, тут же слышишь голос снизу (мы жили на четвертом этаже): «Галочка!» или «Галина Яковлевна!» и реже «Галя-ханум!» И мама, прихватив аптечку и фонендоскоп, бежит на выручку.

В детстве, как и все мальчишки, я ужас как гордился своим папой, таким сильным и храбрым, которого побаивались другие папы, но, став старше, я неизменно больше гордился своей МАМОЙ и горжусь ею по сей день и очень хочу, чтобы так же гордились ею все мои потомки.

Тридцатые годы

У одного современного русского писателя сказано: «Наша страна никогда не жила в мирное время. Оно было либо послевоенным, либо довоенным». Тридцатые годы как раз были довоенными. Страна наращивала экономику, прежде всего – для оборонных целей, но и быт постепенно налаживался. Оставшиеся в живых после гражданской войны люди приобретали определенное стабильное положение в обществе, мужчины стали больше зарабатывать, а женщины – чаще рожать. Вот тут-то и выпал мой жребий.

Воспоминания одного человека

Рафаэль Арутюнян

Вроде бы я не был специально запланирован, но что получилось, то получилось. Отец очень хотел сына (а кто его не хочет?!), а маме рожать было никак не ко времени – последний курс, госэкзамен, ну и все такое: если женщина не хочет, то не хочет, а причины всегда найдутся. И задумала она, эдакая-сякая, втихаря от папаши (от кого, от кого?..) от меня избавиться. Ну, это мы еще посмотрим! Позвала она, не знаю зачем, свою лучшую подружку Асю Халапову, ну и, конечно, тетюшку, что делает аборт. И взялись они все вместе грех творить. Да не тут-то было (далее пишу со слов мамы).

«Все уже было готово, все необходимое лежало рядом, и акушерка, вымыв руки, подошла ко мне и, склонившись, протянула их с тем, чтобы начать, и тут погас свет. Акушерка отпрянула со словами: «Нет, не буду делать, этому ребенку суждено жить!»

Никакие уговоры мамы не возымели должного действия. Да тут еще и подружка принялась уговаривать мать оставить ребенка, а, если уж ей настолько не хочется его иметь, отдать в подарок своей лучшей подружке, которой никак не светило замужество и материнство. Так и получилось, что со дня моего рождения тетя Ася считалась моей крестной матерью, хотя в церковь меня так никто и не отнес, как и большинство детей того времени, и, естественно, не окрестил.

Отец, узнав обо всем, задал жене хорошую взбучку в полушутливой форме и обещал во всем помогать ей в дальнейшем после моего рождения, дабы мама смогла благополучно закончить вуз. Кстати, слово свое он сдержал. А на мой вопрос, чего же испугалась акушерка, ведь тогда электростанция нередко отключала свет, мать ответила: «Да, но это был не тот случай, ведь в другой комнате свет как горел, так и продолжал гореть, а стоило акушерке отойти от меня, как в нашей комнате свет опять зажегся, так что, сынок, наверное, ты у меня отмеченный».

1937 год. Год, обернувшийся тяжелейшими испытаниями для всего советского народа, повальными репрессиями, обрушившимися на чаще всего ни в чем не повинных людей. Проводил их Ежов, а исходило все от Сталина.

Рафаэль в возрасте 1 года.. Баку, 1938 г.

Воспоминания одного человека

Рафаэль Арутюнян

Мой дед со стороны матери не очень заботился о том, чтобы держать язык за зубами, и хотя мой отец не раз напоминал ему об этом, зная истинное положение дел в государстве, так как сам работал в НКВД, дед только отмахивался от него, не питая никакого уважения ни к коммунистам, ни к Ленину, в частности. О Сталине, «об этом сыне сапожника и безбожнике, так и не закончившем духовную семинарию», он даже разговаривать не хотел. И, конечно, трагический случай не заставил себя ждать. Вот только случай ли это?

Как-то вечером, сидя у себя на веранде, дед Овагим беседовал с приятелями о жизни. Слово за слово, и разгорелся спор о том, было ли при царе масло дешевле или нет. Возможно, в дискуссии приводились еще какие-то доводы не в пользу существующего режима, но никаких прямых нападок ни на партию, ни на ее лидеров, ни, тем более, на вождя народов, не было. Но оказалось, что и этого вполне достаточно. Один из «приятелей» пошел и донес, вызвали другого, тот то ли из трусости, то ли из подлости подтвердил – и дело было сделано. Шестидесятилетнего старика с ярлыком «враг народа» выслали в Сибирь на вольное поселение и заставили там работать на лесоповале. Бабушка с двумя сыновьями, потеряв кормильца, переехали к нам в Баку, а дед скончался в том же году, и был похоронен в общей могиле массового захоронения. Бедная мама не находила себе места от переживаний, во-первых, от большой любви к своему отцу, а, во-вторых, от того, что не могла об этом сообщить бабушке – ведь смерть мужа убила бы ее окончательно, и, в-третьих, все время боясь потерять молоко, которым кормила меня, новорожденного.

Из «органов» отца, мягко говоря, выпроводили, что было для него большим ударом. Ну, конечно, как может человек продолжать работать в такой сверхсекретной организации, будучи мужем дочери врага народа, и, более того, не пожелавшим оставить ее с двумя детьми, да и плюс ко всему продолжающим помогать ее родственникам. Ни в какие рамки не лезет! Отец, самим Богом созданный для риска, быстрых решений и решительных действий, как я думаю, потерял почву под ногами, и вся его дальнейшая жизнь пошла наперекосяк, но это отдельный и очень длинный разговор.

Воспоминания одного человека

Моя сестра Эмма

Я считаю себя не очень образованным человеком. Несмотря на высшее образование и даже на то, что я стараюсь учиться всю жизнь, интеллектуалом и тем более эрудитом меня никак не назовешь. И оттого, встречая на своем жизненном пути по-настоящему высокообразованного человека, я всегда как-то робею и внутренне становлюсь «на задние лапы». Вот, пожалуй, в такой позе я и простоял перед сестрой всю свою жизнь.

Воспоминания одного человека

Рафаэль Арутюнян

Конечно, можно утешать себя тем, что ею с самого детства занимались и дедушка, и бабушка, и все окружающие – не то что со мной. К тому моменту, когда Эмма пошла в школу, она умела и читать, и писать, и считать – не то что я. И все-таки это не оправдание для балбеса-бездельника, коим являлся ваш несчастный писака. Корень зла находится гораздо глубже.

Просто, мне думается, Господь Бог снабдил ее пытливым, аналитическим складом ума, а взглянув в мою сторону, решил не расходовать понапрасну столь ценный материал и вложил в мою черепную коробку что было под рукой – остатки какого-то чувственно-созерцательного месива не лучшего качества. И если это так, то я не совсем виноват, что такой дурак. Но если серьезно, то всю свою жизнь я сестру только и помню, что с книжкой в руках. Со школы пришла – за книжку, уроки сделала – за книжку, в туалет пошла – с книжкой, села обедать – тоже с книжкой. До умопомрачения.

А со мной? Хе-хе. Легче скинуть ледяную шапку с горы Арарат, чем меня за книжку усадить. Даже став старше, я никогда не заглядывал ни в один справочник или словарь. А зачем? Ведь есть сестра – ходячая энциклопедия. Вот так мы и жили в одной семье, два разных полюса, умненькая девочка-принцесса и тупорылый братец-кролик. Тяжко это сознавать, но истина дороже. И самое смешное, что у нее, бедной, не было никаких человеческих сил ну хоть как-то от меня избавиться. Куда бы ни пошла – к подруге, в кино, просто к соседям по делу, – родители подсовывали ей меня в нагрузку. Вот и сейчас пишу эти строки и не перестаю восхищаться ее ангельскому терпению. Я же не просто шел рядом как хороший маленький братишка, я постоянно корчил ей рожи, мол, никуда от меня не денешься. Будь я на ее месте, пришиб бы маленького негодяя где-нибудь за углом. Но годы шли, сестра выросла и умнела, и я тоже, выросел и... глупел! И так оба мы подросли к 1941 году.

После того, как бабушка и двое моих дядек переехали из Степанакерта в Баку, родовой дом не продали, а оставили как дачу на летний период, все остальное время там квартировала семья из трех человек. В лето сорок первого года мы, как обычно, отдыхали там. И вдруг разнесся слух – война! Отец срочно приехал за нами из Баку. И началась буквально дав-

Эмма Арутюнова (1933-1992), кандидат филол. наук.

Воспоминания одного человека

Рафаэль Арутюнян

ка. Билетов на автобус до станции Евлах не достать, а те, кто кое-как сумели прибыть туда, не могли выехать, так как поезда в направлении Евлах-Баку были переполнены. Враг стремительно продвигался по советской земле, и все дачники торопились домой в страхе, что немец настигнет их раньше, и это не позволит воссоединиться с остальными членами семьи.

Отец с трудом достал места для двоих в кузове какой-то машины, битком набитой людьми, и два билета на поезд. Так мы отъезжали из Евлаха. Решили восьмилетнюю девочку отправить с больной бабушкой, у которой постоянно тряслись руки, а сами со мной, четырехлетним шкетом, поехали на машине. Но машина отъезжала раньше, чем отходил поезд, и посадить в вагон сестру с бабушкой не было никакой возможности. В моей памяти осталось только то, что было тесно, и отец с матерью, держа меня на руках, старались, чтобы я уснул.

А вот сестренке досталось! На станции вдруг объявили о всеобщей дезинфекции. Бабушка двигалась с трудом и, очевидно, поняв, что эдак они могут и вовсе не успеть сесть в вагон, начала плакать, сестренка вместе с ней. Не знаю, сколько времени они так проплакали среди беготни и давки, пока случайно их не заметил начальник состава и, пожалев, позволил им сесть, не проходя этой процедуры.

Поезд прибыл в Баку раньше, чем наша колымага, и встретили они нас дома, уже оправившись от дорожных происшествий. Моя восьмилетняя сестренка не поднимала лица от книги, в некотором смущении за свою мимолетную слабость на станции. Вот ребенок, а?

Дядьки мои в тот год в отчий дом, в Степанакерт, не приезжали, и, как я писал раньше, оба они не вернулись с войны. Фашисты наступали, но до Баку – хранилища нефти – их так и не допустили. Мужчины уходили на фронт, у моего же отца была бронь, он занимал должность начальника техникумы, т. е. готовил кадры, идущие на фронт.

Воспоминания одного человека

Военные годы

Сколько о них написано, снято кинокартин, сделано документальных фотоснимков!.. трудно что-либо добавить новое, но я глубоко убежден, что каждый человек, пусть даже четырехлетний ребенок, сугубо уникален и уникально его восприятие мира. И еще я убежден в том, что все люди на свете, буквально все до единого, *талантлив*ы.

Воспоминания одного человека

Рафаэль Арутюнян

Когда кто-либо мне говорит, что у него нет особых талантов, не всем же быть талантливыми, мне так и хочется крикнуть ему в лицо: «Какого хрена вы прибедняетесь? Что вы вообще знаете о себе? Вы что же думаете, Бог может кого-то оставить ни с чем? Сотворив человека, Он ему ничего не дал, кроме возможности двигаться и как-то шевелить мозгами? Да, плохо же вы думаете о Господе. Да вы просто безбожник! А вы искали в себе самого себя? Искали? Плохо искали!

Конечно, не всем достается поровну, кому-то в большей степени, кому-то в меньшей, а кому-то и в превосходной. Ну и что? Ведь счастливым можно быть и в том, и в другом, и в третьем случае. Ищите, ищите и не бойтесь быть смешным, загнанным в угол и даже на какое-то время растоптанным. И поверьте мне, найдете! Обязательно найдете и обречете себя на долгое счастье».

Но что-то я опять отклонился и даже ударился в назидательный тон, а это вовсе не входило в мои намерения.

Итак, началась война. Днем – детские игры, взрослые на работе, ежедневные сводки по репродуктору и застывшие лица соседей, вечером – возбужденные разговоры, движения у всех порывистые, никому не до меня, к сестре зачастили подружки, с улицы часто слышны песни марширующих солдат. Мне всегда казалось, что с песней они идут прямо на фронт и все пронизано тревогой и каким-то ожиданием. Вот такими были ощущения впечатлительного малыша.

И самое главное и непривычное – мой Абик все реже улыбается и сажает меня на плечи, а взрослые в основном собираются возле него. Вот уже несколько дней, как они куда-то уходят с ним, одетым в синее демисезонное пальто, и потом все вместе возвращаются, с тем, чтобы утром опять уйти. Позже мне рассказали, как в общей неразберихе мобилизация новобранцев тоже проходила беспорядочно. Собравшихся на сборный пункт возвращали домой с тем, чтобы назавтра они опять пришли, и так несколько раз.

Запомнился голос диктора московского радио Левитана и больше всего его фраза: «...с тяжелыми боями вынуждены были оставить город...» Отец при этом мрачнел. Недолгое время перед войной он работал в милиции, и я запомнил его скрипучие сапоги. После очередных новостей

*Альберт (Абик) Степанян, пропал без вести
во время 2-ой мировой войны.*

Воспоминания одного человека

Рафаэль Арутюнян

с фронтов он тяжело садился, медленно снимал сапоги, в которых продолжал ходить, и с каким-то остервенением швырял их под кровать, не проронив при этом ни слова. Мама и бабушка замолкали, озабоченно поглядывая в его сторону.

У сестры вечерами продолжали собираться подружки. Они рассказывали друг другу какие-то страшные истории про то, как дверь вдруг сама отворилась, ведро зазвенело... И вдруг кто-то скажет: «Девочки, а у Зины папа погиб на фронте». Девочка тут же, опустив голову, начинает тихо плакать, а другая принимается успокаивать ее: «Ну что же ты плачешь, видишь, я же не плачу, а ведь у меня тоже погиб», – а сама еле держится, чтобы не зареветь, и третья: «А у меня старший брат...», – и все тихо расходятся.

Если отец мог позволить себе сорвать зло, даже на ком-нибудь из членов семьи, так сказать, дать себе разрядку, то мать держалась неимоверным усилием воли. Потеряв за короткий период отца и двух братьев, она ничем не выдавала своих переживаний. Ей этого было нельзя. Бабушка до самой смерти ждала сыновей и мужа, не подозревая, что похоронки на них давно получены мамой. Не знал и я, а узнав только после смерти бабушки, страшно обиделся на всех. Мать меня обняла и сказала: «Как я могла тебе, с твоим чутким сердцем, об этом рассказать, ведь ты бы не выдержал и заплакал, и бабушка тут же обо всем догадалась бы». С этим мне пришлось согласиться. Но Абик пропал без вести, и я его продолжал ждать.

Бабушке становилось все хуже и хуже. Родители работали, сестра училась, я был еще слишком мал. Пришлось взять девушку в прислуги, в основном в помощь больной бабушке, но и заодно по дому хозяйничать и за нами поглядывать. Звали ее Нюрой. Она была из молокан, давно осевших в одном из районов Азербайджана. Рослая, сильная, трудолюбивая и почти безграмотная. С ее приходом в нашей семье поселился русский дух.

Большая часть наших знакомых и соседей буквально голодала в годы войны, и не только в эти годы, но и много позже. Мне запомнилась одна семья стариков, живших напротив, этажом ниже, о которых я не могу не рассказать, потому что людей, подобных им по величию духа, благородству и в то же время христианскому смирению, мне не довелось больше

Завен Степанян, погиб во 2-ую мировую войну в Венгрии.

Воспоминания одного человека

Рафаэль Арутюнян

встречать за всю мою немалую жизнь. Глубокие старушки-сестры, полунемки-полуфранцуженки, они были той интеллигенцией, о которой сейчас можно только в книгах прочитать. Мариэтта, Эмми, Ида и Шарлотта Эдуардовны. Мужья их были русскими, сыновья – кто воевал, а кто работал в тылу на фронт, в основном это была семья агрономов.

Мама дружила с Эмми Эдуардовной и ее мужем Дмитрием Лукичом. Возвращаясь с работы, нередко заглядывала к ним минут на пятнадцать, чтобы хоть чуточку отойти душой. Эмми Эдуардовна держала домашний детский сад из 3-5-ти детей и подтягивала отстающих в школе, в основном детей из семей торговцев-азербайджанцев, – тем и зарабатывала на пропитание. Дмитрий Лукич был библиотекарем, когда-то он закончил пять институтов, страшно много знал и продолжал всю жизнь познавать еще что-то и, как подшучивала над ним жена, был типичным вечным студентом (и это в восемьдесят с лишним лет!). Иногда в воскресные дни Эмми Эдуардовна относила какие-то чужие вещи на толкучку, чтобы продать их и получить свой процент с вырученных денег. Но после того, как однажды шпана вырвала у нее из рук очередную тряпку и убежала, а ей, бедной, пришлось уплатить владельцу из своего кармана, она на толкучку больше не ходила.

Всей этой семье жилось очень тяжело, и помочь им было некому. Единственный сын, Вадим Дмитриевич, работал далеко на Севере геологом и сам со своей семьей изрядно голодал. Сейчас я понимаю, что эти старики были тем, что называется «уходящей натурой», людьми из невозвратно ушедшей эпохи образованного различия. Но до чего же она, та эпоха, была удивительной, если такие люди жили в ней!

Странно устроена человеческая психика. Пока вся страна находилась в страшной опасности порабощения беспощадным врагом, люди держались единым станом, как бы сдвинув плечи и образовав плотную стену, не то что бы с полуслова, но и с полувзгляда понимая друг друга. Может возникнуть вопрос: откуда четырех-пятилетнему мальчугану это знать? Но ведь если ты от природы немного наблюдателен и несколько замкнут, то что же тут удивительного? Я помню, как после того, как взяли Альберта на войну, взрослые стали чаще не договаривать фраз и как-то

Гохар с детьми Эммой и Рафаэлем (Адиком). Послевоенный снимок.

Воспоминания одного человека

Рафаэль Арутюнян

многозначительно смотреть друг на друга, а позже, когда у военных появились погоны вместо петлиц, они, те же взрослые, стали говорливее и куда веселее. Я это видел, отмечал, но ничего не понимал.

Только сейчас, оглядываясь назад, в прошлое, я понимаю, почему в начале войны мы, как и все окружающие, недоедали (ведь память о чувстве голода остается надолго), а несколько позже, но все еще в войну, стали есть значительно лучше, сытнее. Секрет был раскрыт много лет спустя. С переломным моментом, с началом активного наступления Красной Армии на всех фронтах, переломилось что-то и в сознании людей, и нередко не в лучшую сторону. Все чаще и чаще звучала расхожая фраза: «Война все спишет!»

Даже сейчас, хотя с тех пор прошло более полувека, мне горько признавать, что и мой отец не устоял против искушения поживиться нечестным путем, – и это в то время, когда страна и ее народ голодали и истекали кровью в боях, так как враг был еще силен и опасен. Я мог всего этого и не писать – зачем ворошить прошлое, да еще столь неприглядное, говоря о своем отце? Но художник есть художник: взявшись за картину, скульптуру, графику или книжку, он прежде всего должен быть абсолютно честен и объективен не только по отношению к эпохе, которую описывает, но и к ее представителям и, конечно же, к самому себе. Решив не вспоминать всей грязи, а ее было немало в жизни моего отца, я вовсе не собираюсь нивелировать его яркую индивидуальность, так как мой папаша был довольно характерной фигурой для своего времени.

Эмми Эдуардовна изредка заглядывала к нам, чаще, когда ее звала мама, если надо было успокоить постоянно плачущую бабушку или вконец разбушевавшегося пьяного отца. Из всех живущих в доме людей он с глубоким почтением относился только к ней, даже будучи в пьяном виде. После того, как общими усилиями удавалось уложить его спать, три настрадавшиеся женщины – мама, Эмми Эдуардовна и бабушка – садились у газовой плиты со стаканом чая в руках и вполголоса долго о чем-то беседовали.

Характер отца все больше и больше портился. К нам зачастили люди сомнительного вида, нередко с бутылкой водки в руках, в их беседах до-

Гохар со своим свекром Кристофором Арутюновым.

Воспоминания одного человека

Рафаэль Арутюнян

поздна то и дело слышалась брань то на армянском, то на азербайджанском языках, они выходили из комнаты с разгоряченными, красными лицами, прощаясь с отцом, заглядывали уважительно ему в глаза, но даже тогда мне было ясно, что это не уважение к мудрому, степенному человеку, каким был, к примеру, Дмитрий Лукич, а заискивающее почтение к разбитному, рисковому мужику, надежному парню в любом деле. Мне, пацану, разумеется, это нравилось.

За годы совместно прожитой жизни родители неумолимо отдалялись друг от друга. Причина была проста и лежала на поверхности. Если у мамы от природы было заложено стремление к прекрасному, возвышенному, то у отца – к прожиганию жизни на полную катушку. Иными словами, у мамы была неиссякаемая потребность в духовном обогащении, а у отца – в материальном. Это были два совершенно разных человека, и в годы войны противоречия между ними обострились. Разумеется, мать понимала, что деньги в семью поступают из какого-то сомнительного источника, и не раз настаивала на том, чтобы отец одумался (ведь в случае чего он оставит на хрупких женских плечах семью из трех человек, не считая прислуги), прекратил вести подобный образ жизни, на что тот отвечал неизменной фразой: «Не я один такой, все так делают, и ты это знаешь, иначе нам придется пухнуть с голоду».

Став взрослым, я как-то спросил у матери: «Неужели в войну все так жили?» На что мама ответила в довольно резкой форме: «Чушь, чепуха! Да, все выкручивались как могли, но одно дело шить тапочки, вязать свитера, ремонтировать электроприборы и даже печь чуреки (восточный хлеб – Р. А.) – все это труд, пусть даже официально не зарегистрированный, но и не такой уж наказуемый: ведь власти тоже понимали, как тяжело народу, и на зарплату не прожить. А другое дело – воровать. Ведь он просто грабил государство, совершенно не заботясь о последствиях, и сколько раз я ему напоминала сказанное моим отцом: «сколько бы веревка не вилась, а конец всегда будет», он в ответ только отмахивался». Результат не заставил себя долго ждать, но это уже после войны.

О моей бедной, любимой Маме

Эта глава о моей много-страдальной Маме, и, если есть что-либо по эту сторону бытия, если могла бы она, даже находясь очень высоко, возле самого Господа Бога, прочесть посвященные ей мною слова, знай я это твердо, я был бы бесконечно счастлив, – она... она, я думаю, улыбнулась бы мне.

Воспоминания одного человека

Рафаэль Арутюнян

Для меня, малыша, четыре года войны пролетели быстро, а для взрослых они тянулись неимоверно долго. Пришел долгожданный мир, но народу стало не намного легче, чем в военное время, разве что на фронтах больше не убивали. Страна была разорена, очень многие семьи лишились кормильцев. На улицах, в трамваях, в скверах можно было встретить множество изуродованных, покалеченных людей. Помню, как ужаснул меня один нищий – безногий, обрубок тела его кончался чуть выше колен. Этот мужчина был каким-то образом прикручен к доске с самокатными роликами и передвигался, отталкиваясь от земли руками в бесформенных рукавицах.

Вообще, тогда нищие встречались на всех перекрестках. Уголовный мир совершенно распоясался: блатные, не таясь, сидели в скверах на корточках и играли в кости, конечно, на деньги. Вся эта разом выплеснувшаяся на улицу боль, нищета и грязь сложилась в такую жуткую и пеструю мозаику, что она и по сей день стоит у меня перед глазами. По праздникам да и по будням улицы заполняли военные с орденами и медалями на груди, в добротных кителях, от них пахло одеколоном и вином. Рядом с ними всегда находились отчего-то громко хохочущие женщины... Водка лилась рекой; люди были взбудоражены, агрессивны, пустяковые столкновения постоянно переходили в уличные драки, и тогда часто шли в ход ножи и кастеты, и после этого на окровавленном тротуаре то и дело оставались лежать люди с проломленными головами, еле дышавшие, а порою и вовсе бездыханные. И все это творилось в городе моей юности, самом интернациональном городе Советского Союза – в Баку.

Тот день, когда отец не пошел на работу, и я, придя из школы, застал его дома (а на следующий день он и вовсе исчез), я запомнил навсегда. С этого дня взрослые только и делали, что шушукались на простую и оскорбительную тему: вилась веревочка, вилась – да тут ей и конец пришел.

На одном из ведомственных торжеств отец, будучи крепко навеселе, влепил звонкую пощечину секретарю обкома. Тот в ответ пожаловался министру – и пошло-поехало, комиссия за комиссией. Выявились хищения в особо крупных размерах. Дело по тем временам тянуло на «выш-

Сурен и Гохар Арутюновы.

Сурен Арутюнов

Воспоминания одного человека

Рафаэль Арутюнян

ку» (высшая мера наказания – расстрел). Вот и вся история. Банальная и расхожая. Папаша (хочу отдать должное его дальновидности) еще раньше уговорил мать пойти на официальное расторжение брака, дабы в случае чего у нас не конфисковали все имущество, хотя, кроме пианино, в квартире ничего ценного и не было. И со словами: «Тебе теперь придется содержать семью, а мне, дай Бог, прокормить себя», – он исчез. Скрывался он в общей сложности три года, жил под чужой фамилией, изредка появляясь у нас замаскированным до неузнаваемости (парик, борода, очки и т. д.) с тем только, чтобы продать что-то оставшееся из совместно нажитого барахла.

Мама же... Моя дорогая, любимая МАМА! Что ей пришлось вынести в эти годы! О материальных трудностях не говорю – их она всегда переносила стойко. Хочу сказать именно о моральных испытаниях, выпавших на ее долю.

Дочь врага народа, жена прохиндея, отсидевшегося в тылу в период войны, да к тому же хапуги и распоясавшегося пьяного дебошира... Какими косыми взглядами и злорадными улыбками провожали ее злопыхатели... Даже мне с сестрой доставалось от них, когда какая-нибудь тетечка останавливала на улице и елейным голоском осведомлялась: «Вашего папочку еще не посадили?»

Чтобы прокормить пять человек, ей, бедной, приходилось работать в две смены, с восьми утра и до одиннадцати вечера, и набирать до 15-ти дежурств в месяц, не имея ни отпусков, а зачастую и выходных. И так семь лет, три из которых отец скрывался, а четыре – сидел в заключении, и тогда раз в месяц требовалось что-то наскрести на передачу нашему «герою».

Сейчас мне неполных шестьдесят шесть лет, я старше ее на десять лет (мама скончалась в 56), но даже сейчас, вспоминая все это, я не могу унять дрожь в руках и учащенный стук сердца.

И дома маме не было покоя: если сестра училась хорошо, то я – из рук вон плохо. Пропадая подолгу на улице, вряд ли чему-нибудь хорошему научишься. Да к тому же меня, в отличие от моих школьных товарищей, нередко тянула к себе малолетняя преступная среда. Но, слава Богу, так

*Гохар Арутюнова (1910-1966), врач-педиатр детской
поликлиники Баилковского района г. Баку.*

Воспоминания одного человека

Рафаэль Арутюнян

и не перетянула. Противовесом ее влиянию был двор на соседней улице, где жили мальчишки из еврейских семей, – они, как правило, неплохо учились и никаким тлетворным влияниям не были подвержены. Зная моих товарищей, мама хоть в этом была за меня спокойна. Не решаюсь, правда, описать, что чувствовали их матери при виде меня...

В те немногие вечера и воскресные дни, которые мы проводили с мамой, она всегда что-то делала, подшивала, штопала или же готовила еду повкуснее – и это был праздник для семьи. Изредка у нас появлялся дядя, ее брат; ему самому жилось нелегко, он приходил проведать свою больную мать. Как приходил, так и уходил – я не помню, чтобы он хоть раз принес коробку печенья к чаю, да, видно, и не с чего было. Так шли годы, мы с сестрой взрослели, а мама старела. Но все бы ничего, если бы не одно обстоятельство.

Внезапно я и сестра начали покашливать, почти одновременно. Мать измерила температуру – 37,1 и 37,2. Обоих на рентген – и на тебе! – у нас обоих обнаружили инфильтрат в легких (начальная стадия туберкулеза). Вот тут мать схватилась за голову: у сестры выпускные экзамены в десятом классе! Мама набегалась по инстанциям, пока принесла аттестат зрелости, составленный на основании годовых оценок. Меня же пришлось отстранить от школы, и так я остался в шестом классе на второй год. Процесс выздоровления у меня шел гораздо быстрее, чем у сестры, потому что я делал все то, что врачи запрещали: бегал, прыгал, катался на лодке, подтягивался на кольцах, колотил боксерский мешок, а иногда и сверстников. Сестра же всегда была неподвижной, полной, бесконечно далекой от спорта и плюс ко всему, правда, уже в летах, куривала, как и мать.

Постоянно пребывая в страхе за жизнь дочери (между прочим, любила она ее больше, чем меня!), без какой-либо поддержки со стороны, ни моральной, ни тем более материальной, с парализованной матерью на руках и балбесом-сыном (не говорю уже о муже, отбывающем тюремный срок), мама постепенно стала сдавать. На ее лбу появились первые красные пятна – признаки стабильной гипертонии, которая в конечном счете свела маму в могилу.

Моя среда

Прежде, чем описать среду, в которой я вращался, а это не только мои товарищи, но и друзья сестры, мне бы хотелось немного рассказать о Баку тех лет. Почему это так важно? Да потому что того города больше нет, и уже вряд ли когда-нибудь он будет. Известно, что не стены домов красят тот или иной населенный пункт и даже не окружающий его ландшафт, а люди. Люди, люди и люди.

Воспоминания одного человека

Рафаэль Арутюнян

Любая дыра покажется вам раем, если в ней проживают добрые и отзывчивые люди. И наоборот, самый прекрасный, с глубокими культурными традициями, славный своими академиями наук, искусствами и т. д. город предстанет перед вами вечной мерзлотой, если в нем живут чопорные, бездушные, высокомерные люди.

Так вот, в моем городе юности было *все*, в зависимости только от того, в каком районе, а главное, в каком дворе приходилось жить. И мы, бакинцы (а это словно некая особая нация, состоящая из людей множества национальностей!), жили бы в нем до конца своих дней, как жили когда-то многие поколения моих предков, если бы в пятидесятые-шестидесятые годы местные власти не развернули бы политику заселения города переселенцами *коренной национальности* из азербайджанской провинции, проводя ее за счет вытеснения или, вернее, незаметного на первый взгляд выдавливания инородцев – в первую очередь, людей из интеллигентных слоев общества.

Сестра поступила в университет на литературный факультет, и к нам в дом зачастили студенты и студентки. Молодые люди, очень острые на язычок и совершенно не спортивного склада, и девушки, представляющие собой нечто особенное: все очень миловидные, страшные интеллектуалки и до ужаса воображалки. Мои товарищи были попроще, но только на первый взгляд. Во-первых, помоложе, а, во-вторых, все до единого они были с техническим складом ума. Я же с 15-ти лет приобщился к искусству, ежедневно посещая Центральный дворец пионеров, занимаясь там в скульптурном кружке у очень хорошего преподавателя – Анны Ивановны Казарцевой. Эта добрая чуткая женщина дала путевку в жизнь не одному поколению скульпторов, привив им прежде всего трудолюбие, без которого нет искусства вообще и скульптуры, в частности, – ведь для преодоления твердого материала нужна методичная и скрупулезная ежедневная работа. Светлая ей память!

Если друзья сестры жили нормальной для того времени жизнью, т. е. заканчивая школы, поступали в институты, девушки на последних курсах старались выйти замуж с тем, чтобы не быть отправленными в район на стажировку, а парни, пройдя двухмесячные военные лагеря, получали

Рафазль Арутюнян, 21 год. Баку, 1958 г.

Воспоминания одного человека

Рафаэль Арутюнян

звание младшего лейтенанта запаса и уезжали работать по назначению (кстати, через все это прошли и мои друзья детства), то с братьями по ремеслу, с будущими скульпторами и живописцами все было иначе. Эти несчастные ребята, бесконечно влюбленные в свое дело, по многу лет не могли поступить в высшее художественное учебное заведение, поскольку мест было мало, а желающих – много. Даже будучи уже вполне взрослыми, они, не имея своих мастерских, время от времени приходили во Дворец пионеров – одни, чтобы порисовать для практики с гипсовых пособий, а другие, чтобы просто встретиться с бывшими друзьями. И мне, тоже уже не пацану, тянуло с ними встретиться, когда мое положение казалось мне безысходным: ведь к тому времени я успел трижды предпринять попытку поступить в художественный институт – и все безрезультатно. Мною начинало овладевать отчаяние, хотя ни в слабости воли, ни в недостатке целеустремленности упрекнуть себя не могу.

Должен сказать, что времена с тех пор очень изменились. Сейчас как: назвал себя художником, арендовал мастерскую, если есть деньги, вошел в какое-то общество, пусть даже таких же дилетантов, как ты сам, – и ходишь с задраным носом (мол, мы не такие, как все), плюя на всех и вся. В мои же годы, если у тебя не было диплома об окончании училища, художественной школы или института, считалось, что ты – никто, пустое место. А если тебе не удалось стать членом Союза художников, то о признании за тобой статуса свободного художника, что, между прочим, гарантировало в старости пенсию, и не мечтай, тут и диплом о высшем художественном образовании не поможет.

Та среда «неудачников от искусства», в которой я вращался, резко отличалась от всех остальных социальных групп. На нас всегда лежала печать непонятности, житейской ущемленности, глубокой обиды за свою судьбу; многие из нас спились, а кое-кто и покончил с собой, но это произошло много позже. Сейчас же, описывая период юности, я вспоминаю, что все же, несмотря на многочисленные разочарования, мне тогда светило солнце надежды: когда-нибудь все устроится, мечты сбудутся, и я обязательно стану скульптором (стал же им Роден и без высшего образо-

Рафаэль с другом Альфредом Круткиным. Баку.

Воспоминания одного человека

Рафаэль Арутюнян

вания!). И будет у меня подруга жизни, самая преданная и любящая на свете жена. Надо только выстоять!

О Боге я тогда не думал, но как-то так получалось, что жить мне хотелось праведно, и это меня поддерживало не только в период безуспешных стараний молодости, но и много позже, когда жизнь швыряла, давила, а порой и скручивала меня в бараний рог.

Когда я вспоминаю себя пятнадцатилетним юнцом, впервые взявшим кусок школьного мела с целью что-то из него вырезать, а было это на уроке математики, я с ужасом думаю: ведь с тех пор прошло полвека, как же из этого немалого срока жизни выбрать самое главное, характерное не только для меня, но и для всей той среды, в которой я вращался? Чем отличался душевный настрой людей той эпохи от нынешней? При этом хотелось бы избежать затасканных фраз, избитых слов и вообще штампов в мышлении.

Мне кажется (хотя, возможно, я и не прав), главным нашим отличием была *вера*. Не религия, а вера в старшее поколение. Мы знали, что наши родители выстояли в войну и подняли страну из руин, из разрухи, и это был и есть неоспоримый факт. Все остальное, думали мы, постепенно наладится. Много криминала? Ничего, ему положат конец, это дело времени. Не хватает денег? И это изменится, тем более, что время от времени происходит понижение цен на основные продукты потребления. Не можем поехать за границу? Ну и черт с ним, с этим Западом, когда у нас огромный Советский Союз, путешествуй по нему сколько душе угодно, до конца жизни хватит.

Мы верили не потому, что были слепыми дураками, а потому что были плоть от плоти детьми своего времени, советскими людьми. Вера эта была не только верой в историческую предначертанность великой миссии нашей державы как страны с самым прогрессивным в мире строем – социализмом, но и верой в человека, создавшего эту формацию. Да. Мы верили в безгрешность наших матерей, в справедливость старших товарищей, в дружеские отношения – надолго, если не на всю жизнь. Верили и доверяли нашим девушкам и дрались за них. Были ли мы поколе-

Рафэль за работой во Дворце пионеров. Баку.

Воспоминания одного человека

Рафаэль Арутюнян

нием идеалистов? Может быть. Но мы были *счастливым* поколением идеалистов, и дай вам Бог хотя бы когда-нибудь быть такими же счастливыми. Ну вот, опять перешел на менторский тон. Пардон.

Было бы странно, с моей стороны, описывая эпоху моей юности, ни словом не обмолвиться о сердечных переживаниях подросткового и более старшего возраста. Когда гормоны начали давать о себе знать, т. е. настойчиво сигнализировать о своем присутствии в нашей физиологии, мы, естественно, стали преображаться. Процесс этот сугубо индивидуальный, но из мужского сообщества он не украшал никого. Постоянный взгляд на девушек снизу вверх и, реже, наоборот, желание сказать нечто умное, из чего почему-то всегда получался верх идиотизма. Абсолютное непонимание и полное несогласие со «своей» девушкой, если ей нравится другой, а не ты, такой красивый, умный и великолепный. Отсюда вывод – ревность, помноженная на южный темперамент, дает в итоге: безмозглый осел.

Конечно, и у меня были увлечения, и я оказывался таким «ослом», и все это было, к сожалению, очень давно. А если серьезно, то я считаю, что не только жизнь в целом, но и мы сами формируем свою индивидуальность и свое отношение к противоположному полу. Вспоминая те годы, я по сей день доволен тем, что ни разу не воспользовался возможностями, предоставляемыми мне случайными обстоятельствами, не внес никакой грязи в свои отношения с девушками, хотя один Бог знает, чего мне это стоило. И начни я жизнь сначала, поступал бы точно так же.

После очередной неудачной попытки поступления в институт в Москве (в Баку тогда не было художественного вуза) я, вернувшись домой, устроился на бисквитную фабрику помощником машиниста холодильных установок. Это было первое мое близкое соприкосновение с рабочей средой. Работа была сменной: два дня с утра, два – во вторую смену и два – в ночь. Для искусства времени оставалось мало, но делать было нечего, требовалось заработать денег на поездку на следующий год. Работяги посмеивались, видя меня с учебником анатомии в руках, отпускали сальные шуточки, но мне было наплевать. Я упорно шел к своей цели – и в конечном счете пришел к ней.

В 1958 году мне, наконец, посчастливилось стать студентом Государственного художественного института Эстонской ССР. Поступил я, как и мечтал, на факультет скульптуры, где и проучился шесть лет, т. е. до 1964 года, блестяще защитив диплом. Моя дипломная работа представляла собой четырехфигурную композицию высотой в два метра двадцать сантиметров на тему «Евреи Одесского гетто». Называлась композиция «Обреченные».

Может возникнуть вопрос, почему темой моего диплома послужили евреи, а не, скажем, армяне в период турецкого геноцида, когда за два месяца было вырезано полтора миллиона армян. Ответ очень прост. То преступление, когда турки вырезали армян, свершилось значительно раньше, в 1915 году. А *холокост* был и по сей день остается еще не затянувшейся раной, сохранились живые свидетели этой кошмарной бойни, когда расстрелами и газовыми камерами фашисты уничтожили более шести миллионов человек только за то, что они евреи. Это не укладывалось и до сих пор не укладывается в моей голове. Плюс ко всему сама тема была не затасканной – мало кто из художников, во всяком случае, у нас в стране, отваживался взяться за нее, а это немаловажный фактор для творческого вдохновения.

Годы учебы в институте были очень плодотворными. Времени зря мы не теряли. Работали в мастерских допоздна. Среди студентов в группе я особо не выделялся, может, только по части композиции. Атмосфера была теплой, дружеской, хотя дух соревнования, безусловно, присутствовал, да его и не могло не быть.

Каникулы, как летние, так и зимние, я проводил дома, в Баку. Ко мне не раз приезжали друзья-студенты, и мои родители с большой теплотой встречали их, что тоже способствовало налаживанию дружеских отношений с моими однокашниками по институту.

Жизнь в общежитии требует отдельного описания. Она была не такой уж безоблачной. Комната в 25 кв. метров, населенная шестью парнями, с одним-единственным окном, выходящим не столько во двор, сколько на глухую стену противоположного дома... Да еще истопница приходи-

Воспоминания одного человека

Рафаэль Арутюнян

ла через день и топила так, что в этот день мы задыхались от жары, а на следующий – мерзли от холода. Но мы были и этому рады, ведь учеба была бесплатной, а за койку в общежитии брали копейки из студенческой стипендии.

Задор молодости скрашивал многие неудобства. Конечно, были и пьянки, и дебоши, и разврат, но были и искренние, дружеские отношения. Лично мне больше других запомнился один парень, литовец Казимир Симанонис, – очень славный юноша, работающий, скромный, большой души человек. Он закончил институт на год позже меня, став художником по металлу, но, к сожалению, связи между нами были утеряны, и я до сих пор так и не знаю ни о его судьбе, ни о судьбах остальных парней из нашей комнаты в общежитии.

Заканчивая учебу и разъезжаясь по разным концам нашей огромной державы, мы, как правило, утрачивали всякие личные контакты, да и немудрено: борьба за жизнь, за право творить по требованию сердца была столь напряженной, что времени да и сил для переписки со старыми друзьями почти не оставалось.

Можно было бы подробнее написать об этом периоде своей жизни, о людях, окружавших меня, но я подумал, что, скорее всего, в свое время о них, по крайней мере наиболее ярких, расскажет история эстонского искусства. Чего уж мне тягаться с профессионалами пера, я-то ведь пишу в основном для своих потомков, а их вряд ли так уж заинтересует студенческая пора тех или иных, пусть даже весьма одаренных художников. Ведь для всякой творческой личности лучшей биографией служит не столько написанное о нем, сколько созданные им самим произведения. Кстати, тут я не делаю исключения и для себя.

Черный день

Н а днях, 26 января 2003 года, скончалась моя жена Ирина Леоновна Арутюнян (урожденная Арзуманова). Писать стало трудно и дышать тоже. Хотелось бы закончить начатое. Одно из правил, которого я придерживался всю свою сознательную жизнь – любое начатое дело доводить до конца. В каком стиле теперь пойдет изложение, не знаю. Не зря говорят: как дышится, так и пишется.

Воспоминания одного человека

Рафаэль Арутюнян

Я прожил с ней тридцать восемь лет отнюдь не сахарной, но, в целом, красивой жизни. В последние годы, очевидно, что-то предчувствуя, она не раз говорила мне, что была со мной счастлива. Это со мной-то, с необузданным фанатиком в искусстве. Кем была она для меня... Я не в состоянии подобрать слова, способные выразить всю глубину моих чувств. А вместе с этим и всю тяжесть личной трагедии. Боюсь штампов во всем – в скульптуре, в рисунке, в живописи, в поэзии и даже в доверительной беседе, а в голову лезут все какие-то избитые, затасканные обороты, вроде: безмерное горе, тяжесть утраты и т. д. и т. п. Поэтому буду молчать, что, впрочем, и делаю последние три недели. Скажу только одно. Умирала она тяжело (обширный инфаркт), промучившись две недели, и я все это время буквально валялся в ногах у Господа Бога, моля его о помощи. Но Он меня не услышал или не захотел услышать.

А теперь у меня в груди не рана – рана со временем затягивается. У меня в груди зияющая, сквозная дыра...

Продолжу свое повествование.

В 1960-е годы в СССР существовало общее правило для всех окончивших художественные вузы. После защиты диплома новоиспеченный специалист должен был отработать год, два или три, в зависимости от того, когда вышло соответствующее постановление, или в школе, или в кружках дворцов пионеров, при домоуправлениях и других государственных учреждениях культурного профиля. На мою долю выпало отрабатывать эту барщину один год, по окончании которого следовало в назначенный день явиться в институт и в торжественной обстановке получить свидетельство об успешном окончании вуза, где указывалось, по какой специальности ты художник. У меня записано: «художник-скульптор». Нелепая формулировка, ведь скульптор и есть художник, могли бы написать просто: «скульптор».

Меня не заставляли оставаться в Таллине, т. к. мою учебу финансировала Москва. Я уехал в Баку и там устроился руководителем скульптурного кружка от Центрального дворца пионеров (того самого, из которого вышел сам), находившегося на одной из окраин города, в поселке Муса-

*Леон и Татьяна Арзумановы (родители Ирины)
в день бракосочетания. 1939 г.*

Воспоминания одного человека

Рафаэль Арутюнян

бекова. Одновременно мать нашла мне работу в школе на Баилова, где я вел рисование два раза в неделю по пять часов. Должен сказать, ни от той, ни от другой работы я в восторге не был. Учить людей, пусть даже маленьких, оказалось не моим занятием. Но по истечении года, получив справку с места службы, я приехал в Таллин, и в назначенный день, как положено, в торжественной обстановке, под бурные аплодисменты студентов (и особенно студенток!) получил свой долгожданный диплом.

Думаю, что я был первым армянином, получившим высшее художественное образование в Эстонии. Сознать это, должен вам признаться, было более чем приятно. Уезжать же в Баку, в тот же кружок и в ту же школу, было более чем неприятно. Ведь я оставлял доброжелательную по отношению ко мне, цивилизованную среду и возвращался в сложную, всегда приправленную ядом национализма атмосферу, где кипели творческие и нетворческие распри, доходившие порой чуть ли не до гангстерских разборок с применением холодного и огнестрельного оружия. Возвращался в коллектив скульпторов, где каждый третий имел госзаказ на монумент Ленину, чаще всего с протянутой вперед рукой, где заказные скульптуры и «творческие» мало чем отличались друг от друга (особенно это было видно на выставках). Такая перспектива настроения мне не поднимала. И тем не менее я вернулся.

За год, прожитый в Баку после учебы, я успел жениться на прекрасной девушке из очень хорошей семьи. У отца ее была светлая голова, он работал начальником энергетического отдела метропроекта, увлекался филателией, был начитанным человеком и обожал свою жену. Мать ее была врачом-терапевтом; с моей мамой, тоже врачом, но педиатром, они были знакомы к тому времени двадцать пять лет, и, конечно, именно наши матери в немалой степени способствовали нашему знакомству.

Я с родителями, по их просьбе, пошел в кинотеатр на какой-то новый фильм. Пока стоял в очереди за билетами, подошел отец и сказал, чтобы я взял еще два билета для случайно встретившихся знакомых. Я кивнул головой, и в это время какой-то барыга стал лезть без очереди, чтобы закупить кучу билетов и потом спекулировать ими. Когда он попытался втереться впереди меня, я его просто-напросто вышвырнул из очереди.

Воспоминания одного человека

*Леон Андреевич Арзуманов (1913-1989),
начальник энергетического отдела Метропроекта.
Баку. Отец Ирины.*

*Татьяна Михайловна Арзуманова (1918-1984),
урожд. Матузенко, врач-терапевт Баилловской
поликлиники г. Баку. Мать Ирины.*

Воспоминания одного человека

Рафаэль Арутюнян

Парень я был здоровый, выжимал штангу весом в восемьдесят килограммов при собственном весе в шестьдесят пять, и, очевидно, почувствовав крепость моих рук, барыга не осмелился сопротивляться. Но выйдя с купленными билетами, я увидел, что меня поджидают человек семь таких же барыг, как и тот, и явно не с миролюбивыми намерениями. Оценив обстановку, я смело пошел на них, сверкая глазами и грозясь отвести их дружка «куда надо». Скорее всего, это «куда надо» возымело должное воздействие на их психику, так как в глазах этих типов промелькнуло некоторое замешательство, и до потасовки дело не дошло.

Не подозревал я в тот момент, что рядом с моими родителями стоит моя будущая жена со своей матерью, наблюдая всю эту сцену. Одним словом, сам того не предполагая, я произвел на нее довольно эффектное впечатление, и, как она говорила мне много позже, «твои горящие глаза запали мне душу».

На следующий день мы с ней встретились у входа в университет и пошли гулять во вечернему Баку (училась она вечером на четвертом курсе химфакультета), а на третий день я сделал ей предложение и, не получив отказа, встал в очередь в ЗАГСе. Через два месяца мы поженились.

В Таллин за дипломом мы приехали вместе и недели две наслаждались прогулками по городу, вдыхая кислородный запах старых улиц с деревянными домами. Ирина и до этого бывала в Таллине, гостила у родственников и осматривала достопримечательности города, но он ни тогда, ни на этот раз на нее особого впечатления не произвел. Со мной же все наоборот, все шесть лет учебы я не уставал восхищаться этим северным городом с его суровой готикой, свинцовым небом, узкими улочками и чернильными временами морем. В Таллине мне нравилось все или почти все. Не скрою, что порой портила настроение постоянная напряженность между коренным населением и *русскоязычным*, но это была лишь малая ложка дегтя в щедрой бочке меда, что почти не отражалось на том множестве положительных эмоций, которые я получил в период учебы в институте.

Находясь под этими впечатлениями и встречаясь время от времени с прежними друзьями, я постепенно утвердился в мысли вернуться в

*Зари Арзуманова (1881-1964),
урожд. Арустамова, бабушка Ирины.*

*Андрей Ованесович Арзуманов (1870-1956),
заслуженный нефтяник, дед Ирины.*

Воспоминания одного человека

Рафаэль Арутюнян

Таллин насовсем, но делиться этим намерением с женой не рисковал, заведомо зная, что натолкнусь на решительный отказ. Оно и понятно, ведь Таллин для нее был чужим, а в Баку жили ее родители и вся родня, и, вообще, она любила свой дом, своих друзей и все, связанное с этим. Но к несчастью (или к счастью!), полюбила и меня – полюбила так, как это могла только она одна, – преданно, глубоко и, как теперь я пишу об этом со слезами на глазах, до гробовой доски.

По приезду в Баку я тихо, не сообщая никому, поделился своими замыслами с мамой и неожиданно для себя сразу встретил у нее понимание. Сказанное ею потрясло меня: «Я сожалею, что привезла тебя обратно в Баку (мать приезжала ко мне на защиту диплома); тебе надо было остаться там, в Таллине, где у тебя может быть будущее. Здесь же у тебя его нет и вряд ли когда-либо будет. Я прожила жизнь и знаю, что говорю. Там ты приобрел друзей, единомышленников и все такое, и вообще таллинский воздух благотворно действует на твое творчество, а я знаю, что именно в нем, в творчестве, твоя жизнь».

Вот такая была у меня МАМА.

С женой начались длительные и утомительные переговоры, взаимные доводы и даже ссоры. Воспитанная в семье, где все были бесконечно далеки от искусства, она не могла понять, почему мне не работается в Баку, в котором все наши корни, где у нас столько друзей, готовых прийти на помощь по первому зову. В конце концов, работают же здесь другие художники, тоже вернувшиеся с мест учебы: из Москвы, из Ленинграда и других городов?.. Чем я лучше их и что меня гонит обратно в этот холодный край, где люди настолько сдержанны в эмоциях, что сами кажутся статуями, где она будет одна, без друзей, и ведь еще неизвестно, в каких условиях нам предстоит жить...

Все, что она говорила, было абсолютно справедливо. Но еще больше, чем она, возмущались ее родители, заявившие мне: «Если ты думал уезжать из Баку, не надо было жениться на нашей дочери». Это была последняя капля, и после этого я перестал с ними общаться.

Ирина Арзуманова. 1961 г. Баку.

Воспоминания одного человека

Рафаэль Арутюнян

Так продолжалось полгода. Никакие мои аргументы, даже то, что для творчества Полю Гогену не хватало Парижа и он, оставив жену с детьми, уехал на остров Таити, не доходили до ее сердца. Время шло, и оно работало против меня, ведь у всех моих таллинских друзей была своя жизнь, свои проблемы, и я понимал, что чем позже я приеду, тем с большими трудностями столкнусь в одиночку.

Внезапно скончалась моя МАМА, ее не стало в течение четырех часов – инсульт. Для меня это был удар, от которого я не мог оправиться долгие годы. Навалилось ощущение глубокого одиночества. Никто меня не понимал, как она, и, как мне казалось тогда, так не любил. Я же любил ее очень, что отнюдь не редкость среди сыновей-кавказцев.

Время как бы остановилось. Прошли зима, весна и лето. За это время я успел соорудить скульптурное надгробие над ее могилой – символический женский торс с погибшим голубем в опущенной руке как свидетельство вечной скорби. Попрощался мысленно с ней еще раз, срочно взял расчет на работе и, собравшись в один день, улетел в Таллин на разведку, теперь уже будучи не очень уверенным, получится ли у меня как-то закрепиться в этом городе, т. е. прописаться в чьей-то квартире, найти жилье, мастерскую, работу, ведь при социализме все это было колоссальной проблемой.

Так начались мои мытарства. Но, к счастью, длились они недолго. За два месяца мне удалось прописаться в мастерской моего бывшего преподавателя Олава Мянни, ибо эта площадь числилась как жилая. Бывший сокурсник Рейнальдо Вебер указал мне на пустующее помещение кулинарного магазина, закрытое как антисанитарное. Бывший преподаватель истории искусства Борис Бернштейн замолвил за меня словечко перед председателем худфонда Лорбергом, и тот, в свою очередь, помог мне отобрать это помещение у треста столовых, ресторанов и кафе в пользу худфонда с тем, чтобы худфонд заключил арендный договор со мной. Мастерская состояла из двух комнат, в одной из которых я прожил с женой и ребенком два с половиной года. Устроился я на работу в цех художественной обработки камня, а попросту говоря, – гравировальщиком на гранитных и каменных надгробиях, где и проработал

Ирина Арзуманова и Рафаэль Арутюнян в день бракосочетания. 1965 г.

Воспоминания одного человека

Рафаэль Арутюнян

почти семнадцать лет, по вечерам продолжая трудиться над скульптурой и выставляясь почти на всех городских, республиканских выставках и даже трижды участвуя во всесоюзных выставках в Москве.

В общем, началась напряженная, полная тревог и всяческих трудностей жизнь. Теперь мне никто не помогал, так как у всех были свои дела, свои сложности, и это естественно. Жена доучивалась в университете. За время разлуки мы с ней с десятков раз летали друг к другу на три-четыре дня, не считая месячных отпусков. Мы все это выдержали, будучи уверенными, что впереди нас ждет светлое будущее, творческие триумфы, признание художественной среды, а значит, и таллинской общественности, и все такое прочее. О чем еще могут мечтать два влюбленных друг в друга человека, жаждущих счастья и благополучия как в творчестве, так и в личной жизни! Мечты, мечты, если бы только они всегда претворялись в жизнь!

Анна Федоровна Матузенко (1890-1944), урожд. Привалова, директор средней школы, первая супруга М. И. Матузенко, бабушка Ирины.

Елизавета Ивановна Каткова (1900-1986), преподаватель средней школы, вторая супруга М. И. Матузенко

*Михаил Илларионович Матузенко (1890-1964),
преподаватель математики средней школы, дед Ирины.*

Воспоминания одного человека

Рафаэль и Ирина Арутюняны. Таллин. 2001 год.

Немного о сыне

В 1968 году у нас с Ириной родился сын Арег. Это древнее армянское имя я выбрал из сказки об Арегназане и Нунуфар. Там было сказано, что когда парень по имени Арегназане найдет свою нареченную по имени Нунуфар, у его имени отпадет окончание «назане» и останется начальное «Арег». Имя мне показалось красивым, да и жена была не против, а сын носил и носит его с удовольствием по сей день.

Воспоминания одного человека

Рафаэль Арутюнян

К тому времени, когда он родился, мы с Ириной ещё жили у меня в мастерской, в маленькой комнатухе в 9 кв. метров, в другой же, в 20 кв. метров, я продолжал трудиться. Но уютиться здесь втроем пришлось недолго, так как я стоял в очереди на двухкомнатную кооперативную квартиру, и когда ребенку исполнилось шесть месяцев, мы с радостью переехали в новую квартиру. Ожидание нового жилья оказалось по тем временам недолгим благодаря тому, что мне помог один из моих институтских товарищей, график Эндель Пальмисте. Мы с Ириной всю жизнь испытывали чувство благодарности по отношению к нему. Слава Богу, мир не без добрых людей.

Работа в каменотесной мастерской была сдельной, зарабатывал я тогда немного, и мы едва сводили концы с концами: ведь надо было платить за ателье, за квартиру и, конечно же, питаться, а на покупку новой одежды взамен износившейся денег уже не хватало.

Когда Арегу исполнилось полтора года, мы отдали его в детский сад. Жена пошла работать на ювелирный завод – вначале рабочей, а позже мастером участка золочения и серебра, где и проработала долгие годы, нажив себе кучу болезней. Сынок наш часто болел, поэтому со временем пришлось нанять няню и оставить его дома. Года через два няня вдруг отказалась смотреть за ним, и мы вновь вынуждены были отвести сына в детсад, но к тому времени он уже несколько окреп и по сей день вспоминает детский сад как самое счастливое время в своей жизни.

Я продолжал напряженно трудиться как творчески, так и на производстве, по сути не имея отдыха ни по вечерам, ни в субботние дни, ни в воскресенье, ни даже во время отпусков, – и так двадцать лет. Лошадь не выдержала бы такой нагрузки – и я не выдержал и в конце концов свалился. Стало беспокоить сердце, несмотря на то, что работу по граниту я сменил на ночные дежурства на заводе «Пунане РЭТ»; часто подсакивало давление, и я уже мечтал о том времени, когда можно будет уйти с завода, набрав необходимый для мужчин общий трудовой стаж в двадцать пять лет. Как только этот стаж был набран, ни одного дня больше я на производстве не задержался, и с 1990 года числюсь свободным художником, коим и считаюсь по сей день, уже будучи на пенсии.

Ирина с годовалым Арегом. Таллин. 1969 г.

Воспоминания одного человека

Рафаэль Арутюнян

Сынок рос, вырослел и особых проблем нам не доставлял. Был в меру ленив, в меру спортивен, учился средне, а главное, никаким порокам нашего века не был подвержен. Ни тяги к алкоголю, ни к наркотикам, ни чрезмерной увлеченности женским полом – ничего такого в нем не наблюдалось. Видел он отца на дню не долго, в основном перед сном, но думаю, что именно семейный микроклимат и сформировал в нем то чувство ответственности по отношению к жизни, которое присутствует (и, дай Бог, чтобы присутствовало всегда) по сей день.

Мои отношения с художественной средой складывались очень сложно. Не имея времени для посиделок в клубе художников «Куку», я встречался с коллегами преимущественно на собраниях и при организации выставок. Атмосфера на этих мероприятиях царила не то чтобы враждебная, но крайне чопорная. Тот, кто успел стать членом Союза художников, даже с бывшими однокашниками разговаривал как бы свысока. Я, по своей наивности, думал, что Союз художников – не что иное, как содружество, сотоварищество братьев по ремеслу. Не тут-то было. Эту организацию превратили в какой-то элитный закрытый клуб с постоянно соревнующимися между собой членами: кто больше получил госзаказов, у кого выше звание, заслуженный ты или народный, и, наконец, у кого больше связей в ЦК, в министерстве культуры и прочих аналогичных структурах. Ничего более порочного для творческих людей, чем подобная организация, нельзя было выдумать. А выдумал ее, говорят, Сталин...

Как я уже упомянул, защитив с блеском диплом в 1964 году и тем самым обратив на себя особое внимание экзаменационной комиссии, я все послеинститутские годы регулярно участвовал в городских и республиканских выставках, мои скульптуры (в основном головки), экспонировавшиеся на них не раз закупал худфонд. Кроме того, я трижды участвовал во всесоюзных выставках в Москве и в 1971 году устроил первую свою персональную выставку для вступления в Союз художников – таково было общее правило для всех. Каково же было мое, надо сказать, и не только мое, удивление, когда на мое заявление о приеме ответ пришел отрицательный со следующей формулировкой: «недостаточно

Артему 4 года. 1972 г. Таллин.

Воспоминания одного человека

Рафаэль Арутюнян

профессиональные работы». И это сказали те люди, у которых я учился в институте, мои бывшие преподаватели, знавшие меня и как творческую личность, и как человека вообще. Возникал вопрос: кого же вы тогда выпустили из института и зачем вы закупали «не совсем профессиональные» мои скульптуры, наконец, зачем вы трижды посылали мои портреты на всесоюзные выставки в Москву, где они и экспонировались? Неужто по причине отсутствия у них какой-либо художественной ценности?

Правда, кто-то из «доброжелателей» мне шепнул, что причина якобы кроется в моей фамилии, мол, она, мягко говоря, не звучит на эстонский лад. Мне, истинному интернационалисту, судящего о художнике исключительно по его творческим возможностям, трудно было в это поверить. Я был очень обескуражен и не менее обижен и, думаю даже сейчас, по истечении стольких лет, имел на то право.

Пришлось готовить новую персональную выставку. Она состоялась в 1977 году в художественном салоне на площади Победы, по окончании чего я был принят в Союз художников, но и тут не без вмешательства моего старого друга по учебе в институте, к тому времени приобретшего громкую славу художника-монументалиста, Матти Варика. Итак, этот этап моей жизни был завершен.

В наши дни, когда Союз художников, по сути, давно лишился прежнего значения и мало влияет на судьбы художников (ни заказов не раздает, ни мастерскими не снабжает), и вообще, принять в Союз могут всего лишь на основе заявления того или иного лица из общества скульпторов, графиков или живописцев, может показаться странным, зачем человеку понадобилось столько лет биться, терпя горечь обид и всяческих унижений, только для того, чтобы вступить в него? Отвечу в двух словах. Художник, не будучи членом Союза, вообще не считался художником, каким бы талантливым он не был и сколько бы художественных учебных заведений не кончал. Даже получить пенсию, будучи свободным художником, он не мог. Понятие «свободный художник» всегда включало в себя принадлежность к данному творческому союзу, не го-

Арег во время отпуска из армии. Таллин. 1988 г.

Воспоминания одного человека

воря уже о разных цеховых градациях, всегда присутствующих в художественной среде.

Изначально поняв всю унижительность борьбы за получение госзаказов и исполнения их, когда над тобой довлеет худсовет, когда тебя заставляют не быть самим собой, прислуживать – идеям или каким-то определенным отмеченным властью лицам, – я твердо решил не искать и не добиваться заказов, а жить, т. е. зарабатывать себе и семье на хлеб насущный, каким-либо посторонним ремеслом. Дома, в Баку, меня, конечно, не понимали. «Зачем надо было учиться шесть лет, чтобы потом изучать какое-то ремесло?!» – сказал мой отец. По-своему он был прав, но я знал, что мне надо. А нужна мне была абсолютная свобода – в мыслях, в своей мастерской, в скульптуре. И я был свободен, правда, платя за свою свободу дорогую цену. Ценой каторжного труда, нередких разногласий в своей семье, ценой здоровья своего и, быть может, не только своего я обретал свободу. Но такова жизнь, ничто не дается без потерь, без труда, без упорства, и я бы даже сказал, без фанатизма.

Рафаэль Арутюнян

Моя жена

Ирина далеко не сразу стала меня понимать – на это понадобились годы и годы. Долгое время она ревновала меня к искусству. Были и периоды охлаждения в нашей жизни на почве непонимания, и даже настал момент, когда мне уже казалось, что дальше так продолжаться не может. Однако семье не дал распасться один существенный связующий фактор – это СЫН, сын, которого я обожал и ради которого готов был пойти на любые жертвы.

Воспоминания одного человека

Рафаэль Арутюнян

Постепенно, начав интересоваться судьбами других художников, почитывая разные монографии и постоянно приобщаясь к искусству в целом, жена начала понимать, что супруг ей достался неординарный. С этого момента наши души начали буквально соединяться в единое целое и в конце концов спаялись так крепко, что образовали неразрывное энергетическое поле.

Собранную мной еще в студенческие годы маленькую библиотеку из книг по искусству мы быстро пополняли, носясь, как сумасшедшие, по разным антикварным и просто книжным магазинам, радовались каждой удачно приобретенной покупке, относили на пункты десятки килограммов макулатуры с тем, чтобы получить возможность приобрести что-либо из беллетристики, короче говоря, жили наполненной духовной жизнью. При этом любили свой дом, двухкомнатную квартиру, очень любили приглашать гостей по какому-либо поводу и без повода, и чаще эта инициатива исходила от Ирины. Я делал уборку, помогал ей в приготовлении пищи, а с приходом гостей развлекал их анекдотами и вообще балагурил. Было весело, а главное, Ирина была довольна и очень счастлива в такие дни, и должен сказать, что таких дней, в нашей жизни было немало.

Мне постоянно была свойственна некоторая грусть, потому что в глубине души я воспринимал себя как неудавшегося художника, но моя Ирина старалась сгладить эту печаль своей любовью, неизменно твердя мне: «Ты гений, ты гений, плюнь на все и всех, делай свое дело и верь мне: твой час придет». Но иногда в глазах ее появлялась какая-то тоска, и на мой вопрос, что случилось, она печально говорила: «Когда тебя не станет, люди будут вспоминать о тебе по твоим работам, вон сколько ты их напахал, а кто вспомнит обо мне, если я умру?» На что я неизменно ей отвечал: «Если люди когда-нибудь вспомнят обо мне, то они обязательно подумают и о тебе – во-первых, по тем портретам, что я с тебя лепил, рисовал, писал, а во-вторых, они поймут – кто, как не ты, вдохновлял меня все эти годы, помогая сохранить волю к творчеству и желание от-

Арег Арутюнян, предприниматель. Таллин. 2001 г.

Воспоминания одного человека

Рафаэль Арутюнян

стаивать свою индивидуальность в искусстве в этом нередко безучастном, а порой и жестоком мире?»

Каждый мужчина, если он действительно любит свою жену, мечтает выглядеть в ее глазах, если не Гераклом, то хотя бы маленьким Давидом, победившим Голиафа. И я мечтал об этом. Мечтал о всеобщем признании меня как художника, об уважении к моей семье, о стабильном материальном благополучии... И чтобы моя Ирина с чувством скрытой гордости могла говорить везде и всюду, что ее муж – известный в Эстонии скульптор Рафаэль Арутюнян. Наивно? Конечно, наивно. А разве все мы не наивные дети в своих мечтах?

Но, вместо исполнения гордых мечтаний, мы с ней оба стали болеть, порой надолго задерживаясь в больницах с разного рода операциями. Я знал, что у нее слабое сердце, неважная наследственность – от инфаркта скончались ее дед и бабушка, дядя и мать и совсем молодой брат, – а теперь вот и она, моя любимая и единственная. Самое тягостное – это то чувство безысходности, с которым я теперь живу. Да и живу ли я? Как раз этого мне совсем и не хочется, и даже сын и внуки и нежная чуткая невестка не могут заполнить в моей душе ту безмерную пустоту, образовавшуюся после кончины моей дорогой спутницы жизни, с которой я прожил без малого сорок лет.

Ирина часто в последнее время спрашивала меня: «Почему ты меня рисуешь и пишешь с каким-то ободком света вокруг тела и головы?» Я отвечал: «Потому что ты святая, себя же я так не пишу, я могу быть таким только на твоём фоне. Вспомни хоть кого-нибудь, кто был хоть когда-либо обижен тобой. Не можешь? Да потому, что таких и нет. А теперь посмотри, сколько вокруг меня врагов, которым я готов перегрызть глотку. Вот то-то». Она в ответ замечала: «Ну, ты сам в этом виноват». «Может, и так, – отвечал я, – а ободок света вокруг твоего портрета, как в эмоциональном плане, так и в чисто техническом, – очень к месту». Так и продолжали мы работать: она – позировать, я – писать или рисовать, с некоторыми перерывами на чаепитие.

Григорий Самойлович Бикс (слева), дед Светланы Арутюнян. 1965 г.

Воспоминания одного человека

Рафаэль Арутюнян

Но я, кажется, отклонился от порядка изложения. Да оно и неудивительно, я ведь не профессионал, и, тем не менее, продолжу, стараясь в дальнейшем не нарушать хронологической последовательности моей писанины.

Сынок мой подрос, стал юношей, должен сказать, смазливый малым. Пора было уже выбирать себе будущую профессию, да такую, чтобы потом всю жизнь не ждать с нетерпением выхода на пенсию. Но особых увлечений у него не было, и мы с женой находились в растерянности, не зная, в какой вуз ему идти. Тут одна из знакомых посоветовала: «А почему бы ему не пойти на бухучет? Я сама кончала этот факультет, мальчишкам там лафа, поскольку их всегда мало, девчонки с ними носятся и все за них делают, чуть ли не сессии за них готовы сдавать». Спрашиваем у сына, как он на это смотрит, а он отвечает: «Мне все равно, куда посоветуете, туда и пойду». Так и договорились.

Закончив школу довольно посредственно, он подал документы в Таллинский технический университет на дневное отделение бухгалтерского учета. Готовился спустя рукава и, конечно, пролетел. Нам с матерью было обидно, мы ведь знали, что он не дурак, надо было просто побольше заниматься. Но скандала тоже не закатывали, а посоветовали еще раз подать документы на вечернее отделение того же факультета. «Ну, что же делать, – сказал я, – теперь, если повезет и поступишь, будешь работать и учиться». Сами же собрались и уехали лечиться в Трускавец. Через некоторое время получаем телеграмму, в которой говорится, что сын наш успешно сдал экзамены, набрал нужное количество баллов и является студентом Таллинского технического университета. Радости нашей не было предела. Подарили ему, как и обещали, магнитофон.

Проучившись полгода и еще не начав сдавать экзаменационную сессию за первый семестр, сынок получил повестку из военкомата. В те годы Советский Союз вел войну в Афганистане. Наши парни тысячами гибли в этой совершенно бессмысленной войне. Я встречался с матерями погибших солдат, так как иногда гравировал портреты этих юношей на над-

Рива Исааковна Эстис (в центре справа) с учениками еврейской школы.

*Рива Исааковна Бикс
(урожд. Эстис),
бабушка Светланы.*

Воспоминания одного человека

Рафаэль Арутюнян

гробиях, и знал, как выглядит истинное горе, отчаяние, безысходность и одновременно огромный, граничащий с безумством гнев на лицах их несчастных родителей, и постоянно твердил: «Господи! Только не туда! Только не туда!»

Проводив его на сборный пункт и вернувшись домой, мы с женой в изнеможении уснули. На следующий день, возвращаясь с работы, я встретил жену всю в слезах и сквозь слезы что-то лопочущую. Оказалось, что минут десять назад звонил сын из аэропорта и сказал, что их, несколько человек, самолетом отправляют в Ташкент (в Ташкенте был сборный пункт, где новобранцев готовили для отправки в Афганистан), но не для того, чтобы потом послать в Афганистан, а куда, неизвестно – так им сказал сопровождавший их офицер.

Беру первую же попавшуюся машину, обещаю водителю хорошие деньги, если он меня как можно быстрее доставит в аэропорт. Водитель выжал из машины все, что мог, разве что на красный свет не ехал. Вбегаю в аэровокзал и спрашиваю в справочной, где самолет, улетающий в Ташкент. Мне показывают. Бегу к дверям, выходящим на аэродром, – они закрыты, и через стекло вижу, как передо мной медленно проплывает автобус с пассажирами, среди которых и мой сынок: я его вижу, он меня – нет. Вот так, только глазами, я проводил сыночка, едущего на посадку в самолет рейсом Таллин-Ташкент, не зная, как сложится его дальнейшая солдатская судьба, увидим ли мы его еще. Ведь город Ташкент в те годы воспринимался в нашем сознании как город, приносящий родителям только тревоги, а нередко и цинковые гробы.

Вскоре мы получили весточку от Арега, о том, что определили их на службу в городе Заравшане – стеречь какой-то важный объект. В письме был указан обратный адрес – номер части. Три месяца мы получали от него письма все с большей и большей обидой на то, почему мы ему не пишем, а мы ничего не могли понять. Как это не пишем?! – я и мать посылали письма чуть ли не каждый день.

*София Таран, урожд. Бикс (год рожд. 1945),
воспитательница детского сада, мама Светланы.*

Воспоминания одного человека

Рафаэль Арутюнян

Наконец раздался телефонный звонок, и мы услышали голос нашего любимца. Он сообщил, что все наши письма он получил сразу в один день, а виной тому был особый отдел при военной части, постоянно контролирующей идеологическую надежность своих военнослужащих, а значит, и вскрывающий все письма, идущие как от солдат, так и от их родственников, и изучающий их внимательно и досконально. Такие вот дела.

Два года текли очень медленно, ожидание нашего единственного было томительным, но, уходя в армию, сынок поручил своей девушке Светлане, обещавшей его дожидаться, навещать нас. И если бы не она, наше ожидание было бы еще более томительным. За то время, что он служил, я успел организовать еще одну свою персональную выставку, связанную с моим юбилеем, мне исполнилось тогда 50 лет. Это было в 1987 году. Выставка состоялась в фойе библиотеки Академии наук Эстонии, т. к. своих выставочных помещений Союз художников мне не выделил. Друзьям она понравилась, в прессе освещена была довольно скупо, да я об этом не очень-то и заботился.

Радости от возвращения сына не было предела. Он предстал перед нами очень похудевшим, но крепким и возмужавшим. На мой вопрос, тяжело ли ему далась служба, он ответил: «Бать (отец по-украински), твое воспитание мало чем отличалось от армейского, так что, по сравнению с другими, мне было не тяжело». Но я-то знаю, какой климат в пустыне Узбекистана, ведь не случайно у офицеров один год службы там засчитывался за полтора.

Вскоре мы с матерью поженили Арега и Светлану. Сын стал работать и продолжал учиться, Света заканчивала учебу, и даже появление нашей внучки не помешало ей прекрасно защитить диплом. Мы безумно радовались маленькому существу в доме, а имя ей разрешили подыскать мне, я назвал ее Дианой. Зажили мы счастливо и дружно в пятером в двухкомнатной квартире в 30 кв. метров.

София и Алексей Тараны (родители Светланы) в день свадьбы. 1966 г.

Воспоминания одного человека

Рафаэль Арутюнян

Незаметно прошли пять лет. Арег завершил учебу с красным дипломом – гордости моей не было границ. Сидя на торжественном собрании по поводу вручения дипломов и видя, как из ста человек в потоке только двое, т. е. мой сын и еще один парень-эстонец, получили дипломы с отличием, я так раздувал от важности свою грудную клетку, что начал уже опасаться, как бы она не лопнула при всем честном народе и из нее не вывалилось бы все содержимое.

Вскоре в стране началась смена общественной формации. Переход к капитализму проходил очень болезненно. Сын решил заняться бизнесом, и мы с матерью, в буквальном смысле слова, помогали детям чем могли: растили внучку, отдали последние накопленные деньги на приобретение компьютера, свою спальню превратили в рабочий кабинет, старались помочь советами и т. д. Арег же, только-только встав немного на ноги и даже не имея еще своей машины, по совету матери, решил напечатать отцу каталог со скульптурами – и осуществил это самостоятельно, почти без моего участия. И только позже, накопив деньги, купил себе подержанный «Опель», и мы всей семьей стали испытывать небывалое наслаждение, катаясь по городу и окрестностям Таллина. Казалось, счастье наше будет длиться вечно.

Но бизнес есть бизнес. Никогда не знаешь, что ждет тебя впереди. Решив переориентироваться на выпуск другой продукции, сын закупил необходимое оборудование, вложил много денег в рекламу и стал ждать поступления заказов. А они не шли. Шло время, которое уже работало против него. Короче, оказался он в очень трудном положении. Сократив конторский персонал до минимума и оставшись, по сути, вдвоем с женой (Света давно уже работала с ним и была его правой рукой), он резко уменьшил и состав рабочих. Дело шло к тому, чтобы распродавать оборудование и закрывать бизнес. Настроение у всех было хуже некуда. Но все же постепенно, буквально по каплям, положение стало выравниваться. Арег поменял офис, заказал еще рекламу, мы все потуже подтянули пояса – и в конечном счете выжили. И слава Богу!

*Такой Арег встретил Светлану Таран.
Светлане 19 лет. Таллин. 1987 г.*

Воспоминания одного человека

Рафаэль Арутюнян

Я же все это время не переставал работать творчески и подготовил еще одну персональную выставку в общей сложности из более чем ста скульптур, которую и устроил в 1997 году в Культурном центре на улице Сакала, д. 3, в помещениях, обычно предназначенных для приемов, которые проводил президент Эстонии, (сам президент в это время находился в отпуске). Выставка, к моей радости, прошла успешно, ее широко освещали в прессе, по телевидению и радио. Так я встретил свои шестьдесят лет.

Неожиданно для самого себя я вдруг занялся рисунком и живописью. Мои начинания поддержали домашние, и я решил подготовить еще одну персональную выставку, дав себе на это срок пять лет. Работал напряженно, в основном дома, так как в ателье практически места уже не было. Жена была очень довольна: наконец-то я целый день у нее на глазах. Приходили знакомые, я и их писал и рисовал, шли разные интересные разговоры, а в перерывах между позированием – традиционные чаепития.

Наши дети уже давно жили отдельно от нас, мы же продолжали помогать им как могли: бежали к ним сломя голову по первому зову. Ведь в нашей семье всегда сохранялся тот традиционный армянский жизненный уклад, который формировался в нашем народе тысячелетиями.

Внучка росла, становилась красивой девушкой. С бабушкой у нее была особая близость, они вели свои сугубо женские разговоры, которые деду знать было не обязательно, ну, может, только самую малость, да и то по большому секрету. Сын расширял бизнес, умнел и уже запросто мог обходиться без советов отца, хотя, тем не менее, не игнорировал их. Жизнь приобретала все большую и большую стабильность.

В мае 2002 года невестка подарила нам ценнейший подарок, о котором мы долгие годы мечтали, – внука. Назвали мы его Габриэлем. Наша радость переливалась через край, мы буквально носили Свету на руках, не

Арег и Светлана в день свадьбы. Таллин. 1989 г.

Воспоминания одного человека

Рафаэль Арутюнян

знали, как благодарить, ведь внук – продолжатель рода, носитель фамилии и все такое и все прочее.

Вот тогда я ощутил себя по-настоящему счастливым человеком! Мало того, что с последней персональной выставкой скульптуры я приобрел имя, меня стали узнавать даже за пределами Таллина, в провинциях Эстонии, теперь в нашем роду есть еще один мужчина, которому предстоит это имя носить с честью и продолжать увеличивать его славу. Ну как тут от радости не чокнуться?! Но, слава Богу, не чокнулся, выжил, а энергии прибавилось – не передать...

Подшло лето, и мы с сыном решили взять в аренду для выставки те же залы, в которых выставляли скульптуру в 1997 году, благо теперь они не были подведомственны канцелярии президента Эстонии, и договориться с руководством центра «Сакала» было куда проще, чем раньше. Так и сделали. Выставка графики и живописи, на которой экспонировалось 230 работ, состоялась в августе 2002 года.

Имя мое как скульптора уже было довольно известно не только в среде профессионалов, но и среди эстонской общественности и чуточку за ее пределами (причиной тому – сайт в Интернете, сделанный сыном), но как графика и живописца меня не знал никто. Отсюда повышенный интерес с оттенком некоторого замешательства – какой Арутюнян? Рафаэль? Но он же скульптор. И 230 работ? Надо посмотреть...

С большим страхом в сердце я ждал реакции публики и даже не нашел в себе мужества находиться в залах в момент открытия, пока люди рассматривали мои картины. И только появившись несколько позже и увидев, что ко мне направляется целая толпа с поздравлениями и с моими каталогами в руках, чтобы получить автографы, я успокоился. Пресса не скупилась на похвалы, а «доброжелательные коллеги» ... перестали меня замечать.

Но население Таллина стало несколько иным, чем в годы советской власти. Большинство людей стало жить беднее, многие вовсе обнищали и

*Ирина Арутюнян в день своего пятидесятилетия
с внучкой Дианой. Таллин. 1993 г..*

Воспоминания одного человека

Рафаэль Арутюнян

лишились работы, и вследствие этих перемен резко снизился интерес к духовной жизни. В день мою выставку посещало не более тридцати человек, и это, конечно, не могло меня не огорчать. Каждый день после открытия я приходил в зал, садился у рояля и начинал что-нибудь наигрывать, хотя до этого лет двадцать не касался инструмента. И так до конца дня.

Жена моя, видя по вечерам мое унылое и расстроенное лицо, решила приходить к открытию со мной и тем скрашивала мое одинокое там пребывание. Ирина меняла цветы в вазах. Разговаривала со смотрительницей, водила меня в кафе перекусить, заставляла пройтись по разным галереям Таллина, указывая глазами на пустующие залы, в общем, делала все, чтобы как-то рассеять мою печаль.

Я пишу эти последние строки. И слезы душат меня. Мне ничего не остается, как вспомнить строчки из восточной поэзии:

*...Калекой сижу я в пустыне своей тоски по тебе,
Вокруг меня серебряный океан моих слез.*

*Арег, Диана, Рафаэль, Ирина и Светлана.
Семейная фотография. Таллин. 2001 г.*

Воспоминания одного человека

Рафаэль Арутюнян

***

*В раздумии о днях, текущих вяло,
О свечку крылья подпалил мой мотылек.
По миру нынче я брожу устало –
Ключ к вдохновению утерян, к чему замок?*

*В ночи петляют белые снежинки,
К утру их ляжет масса – будет снег! –
Лучи Ярилы превратят их в льдинки,
Растают к полдню – вот и прожит век.*

*Вот вал воды и его сперма-пена
На берег катятся издалика,
И вздулись мощно океана вены:
В совокуплении волна – и умерла.*

*Был взлет души, затем – паденье,
А за падением – забвенье вслед.
Бессмертен на земле лишь гений,
А мне не нанести бы грязи на паркет...*

6 апреля 2003 г.

